

*НАУЧНЫЕ
ТРУДЫ
МОСКОВСКОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА*

№5/2013

Рецензируемый научный журнал
Издается с 2002 года

**Издательство Московского гуманитарного университета
2013**

Главный редактор

Алексеев Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета

Редакционная коллегия

Агранат Дмитрий Львович, доктор социологических наук, доцент, декан юридического факультета Московского гуманитарного университета

Булаков Олег Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета

Буренко Владимир Иванович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета

Винокуров Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, полковник юстиции, старший советник юстиции, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета

Инков Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Московского гуманитарного университета – *ответственный секретарь*

Костина Анна Владимировна, доктор философских наук, доктор культурологии, доцент, декан факультета философии, культуры и искусств, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета

Крылова Елена Борисовна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой финансовых и экономических дисциплин Московского гуманитарного университета

Пеньковский Дмитрий Дмитриевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Московского гуманитарного университета

Романюк Лариса Валерьевна, доктор педагогических наук, профессор, начальник Управления аспирантуры, докторантуры и научной работы Московского гуманитарного университета

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, ученый секретарь Ученого совета, профессор кафедры социологии Московского гуманитарного университета

Сошникова Тамара Аркадьевна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей

Царегородцев Юрий Николаевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента Московского гуманитарного университета

Свидетельство о регистрации Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия ПИ №ФС77-21885 от 14 сентября 2005 г.

Научные труды Московского гуманитарного университета. М.: Издательство Московского гуманитарного университета. №5/2013. – 68 с.

© Московский гуманитарный университет, 2013

© Авторы статей, 2013

Издательство Московского гуманитарного университета

111395, Москва, ул. Юности 5/1, к.6.

Контактная информация редакции журнала размещена на официальном сайте:
http://www.mosgu.ru/nauchnaya/nauch_trudy/

Подписано в печать 20.05.2013. Тир. 500 экз.

**Редакционный совет журнала
«Научные труды Московского гуманитарного университета»**

Ильинский Игорь Михайлович, доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета – *председатель*

Луков Валерий Андреевич, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета – *заместитель председателя*

Алексеев Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета

Богданов Андрей Петрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН, член Союза писателей России

Журавлев Анатолий Лактионович, член-корреспондент РАН, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии РАН, заведующий кафедрой социальной и этнической психологии Московского гуманитарного университета

Ковалева Антонина Ивановна, доктор социологических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующая кафедрой социологии Московского гуманитарного университета

Королев Анатолий Акимович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры истории Московского гуманитарного университета

Луков Владимир Андреевич, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор Центра теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета

Ситаров Вячеслав Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой педагогики и психологии высшей школы Московского гуманитарного университета

Экштут Семен Аркадьевич, доктор философских наук, заместитель главного редактора журнала «Родина», руководитель Центра истории искусств и культуры Института всеобщей истории РАН, заведующий кафедрой «Искусства и гуманитарные науки» Государственного академического университета гуманитарных наук

Юдин Борис Григорьевич, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом комплексных проблем изучения человека Института философии РАН, директор Центра биоэтики Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета

**Победа на культурном фронте
Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.
Предпосылки и следствия
Жукова О.Г.**

**The victory on the cultural front of the Great Patriotic war of 1941-1945.
Premises and consequences
Zhukova O.G.**

Аннотация: Статья рассматривает ключевые аспекты идеологической составляющей Великой Победы через призму повседневной жизни советского общества на фронте и в тылу.

Ключевые слова: Победа, культура, культурный фронт, война, идеология, пропаганда, агитация, повседневная жизнь, кино, театр, пресса, Совинформбюро, фронтовые бригады.

Abstract: The article examines the key aspects of the ideological component of the Great Victory through the prism of the everyday life of the Soviet society at the front and in the rear.

Keywords: Victory, culture, cultural front, the war, ideology, propaganda, agitation, daily life, the cinema, the theatre, the press, the Soviet Information Bureau, front-line brigades.

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–45 гг. достигалась не только ратным и трудовым подвигом народа, но и, во многом, благодаря стойкости наших дедов и прадедов, проявленной в сшибке культур, идеологий, народных характеров.

Начатая в молодой советской республике сразу после революционных событий 1917 г. культурная революция к началу 40-х гг. дала неоднозначные плоды. С одной стороны, рушились многовековые устои русского общества, с их почитанием древних традиций и понятной, но несправедливой для большинства народа, сословной иерархией. Безусловной трагедией 20-х начала 30-х стало повсеместное закрытие и, подчас, разрушение храмов и дворянских усадеб.

Но, с другой стороны, по объявленной в стране программе ликвидации безграмотности за школьную парту село неграмотное население страны — от малолетних до убелённых сединами. А ведь неграмотным было 80 % населения царской России. В село впервые пришли трактора, облегчив тяжелейший крестьянский труд. Программа ГОЭЛРО зажгла электрические лампочки по всей стране, дала мощный толчок развитию индустриализации, требующей миллионы рук

квалифицированных специалистов. И открывались во множестве институты и университеты. А так же - научные учреждения, музеи, клубы, библиотеки, которые, в отличие от царского времени, были общедоступны. Плоды электрификации и, что не менее важно, радиофикации страны, коренным образом преобразовывали сознание людей. Можно сказать, необычайно возросло самоуважение рядовых граждан, которые всё чаще и настойчивее требовали обеспечения, налаживания культурного досуга и отдыха в повседневной жизни, достойной строителей светлого коммунистического завтра.

Задолго до начала горячей фазы противостояния с объединёнными силами Европы пришло в советский быт и такое многогранное понятие, как культурный фронт. Пришло и осознание, сколь важна победа на нём для дальнейшего развития страны и общества.

Но по прошествии десятилетий после Победы в самой кровавой мировой бойне XX века нам всё чаще внушают: СССР выиграл войну физически, но проиграл идеологически. Так ли это?

...Наше, последнее советское поколение, воспитанное советской школой, имело довольно стройную систему представлений о причинах, начале, ходе и окончании Великой Отечественной войны. Но с разрушением СССР, с отменой его идеологии, с погружением страны, так скажем, в «идеологию отсутствия идеологии», ситуация коренным образом изменилась.

Моя подруга-поэтесса года два назад решила заочно получить юридическое образование. На экзамене по истории, отвечая на вопрос об окончании Великой Отечественной и Второй мировой войн, стала вспоминать из школьного курса две важнейшие даты: 9 мая и 2 сентября 1945. Но была буквально огорошена поправкой экзаменатора - оказывается, Вторая мировая война не закончилась в 1945 г., просто вместо разбитой Германии войну с большевизмом продолжили коалиционные силы свободного Запада, и завершилась сия «битва народов» полной их победой в 1991-93 гг. крушением Советского Союза.

От таких «историков-реваншистов» узнаём мы о том, что СССР, оказывается, проиграл в войне идеологий. А вот гитлеровский генерал Йодль, тот самый, подписавший акт о безоговорочной капитуляции Германии в мае 1945 г., почти признавал идеологическую капитуляцию своей страны уже в 1941 г., в дни неожиданного для врага мощного советского контрнаступления под Москвой. В директиве командирам войсковых подразделениях вермахта «О политической пропаганде» он раздражённо констатирует: «Советский противник в области пропаганды развивает исключительную деятельность. Зима будет ещё в большей степени использована противником для разложения нашей армии. Поэтому невыполнение приказа о сдаче или уничтожении вражеских

листовок может повлечь за собой тяжёлые последствия и даже смертельную опасность для армии и народа. Необходимо инструктирование личного состава на то, чтобы борьба с пропагандой противника велась также беспощадно, как и против всякого другого оружия врага». (О Московской битве, 1997: 145-146).

Постсоветские десятилетия приучили нас относиться к самим понятиям «пропаганда и агитация» с немалой долей недоверия, иронии, даже презрения. А ведь слова эти, известные ещё древним римлянам, ничего крамольного в своей основе не несут. «Пропаганда» в переводе с латыни - «распространение», «агитация» - «приведение в движение», а значит, эти слова подразумевают некое действие относительно объекта, на который направлены.

Не будем наивно полагать, что эти, вдруг ставшие для нас «неблагозвучными», слова ушли вместе с советским прошлым, просто они, говоря языком интернет-поколения, «сменили ники» и «создали клоны», стали выглядеть более современно, «продвинуто»: политические технологии, паблик рилейшн (пиар), и даже промоушен — разве не того же порядка понятия? Только если раньше пропаганда и агитация, прежде всего, подразумевали продвижение неких идей в человеческом обществе, то новомодные словечки, формально относясь более к миру бизнеса и продвижению товара, предполагают навязывание его как некую идеологическую составляющую общества потребления, а теперь уже и перекочевывают из сферы торговли в сферу человеческих отношений. Ведь мы уже не удивляемся, когда слышим от журналиста-политтехнолога фразу: «Я занимался его паблик рилейшн (пиаром)» или: «Устроим этому кандидату в депутаты грамотный промоушен»... Так люди-человеки становятся товаром или бизнес-технологии становятся... пропагандой и агитацией. И вся эта странная система взглядов и отношений уже вполне обоснованно называется «грязными политтехнологиями».

...6 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издаёт Указ «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». Виновные в подобных преступлениях отныне приговариваются к тюремному заключению сроком от 2 до 5 лет — такова ответственность за... страх. Если же «целью распространения ложных слухов было содействие врагу», то «преступление квалифицируется как измена родине, т. е. по ст. 58 1а УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик». (Ведомости Верховного Совета СССР, 1941: 4).

Но панику и слухи нельзя запретить никаким указом, их надо развеивать, понимая, что эти явления лишь следствие, а причина, их порождающая, — отсутствие информации. О панике первых дней войны, вызванной недостатком информации об истинном положении в стране,

написано и сказано много. Но архивные документы свидетельствуют, что в обществе циркулировали и иные настроения и слухи.

...В 20-х числах июня 1941 г. на всех предприятиях Москвы проходят первые шумные митинги, начинается запись добровольцев в действующую армию, принимаются меры, так сказать, духовной мобилизации на отражение врага. Ответственные контролёры Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП (б) направляются «в народ». В отчёте зам. председателя КПК М.Ф. Шкирятову сообщают с московских заводов: «Рабочий Алексеев, придя утром на завод, сообщил, ...что он собственными глазами видел, как наша зенитная артиллерия, якобы, сбила германский бомбардировщик... При подробном опросе т. Алексеева выяснилось, ...что заявил он это с целью похвалиться. На заводе усиленно циркулируют слухи о взятии Варшавы, Кенигсберга и о том, что, якобы, застрелился Риббентроп. В информационную сводку на имя парткома завода поступали также заявления отдельных товарищей о вражеских десантах в районе Москвы...» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 44). С других предприятий столицы сообщается: «имеет место наличие разного рода разговоров, а именно: «Красная Армия разбомбила и взяла Варшаву, Кенигсберг и ведёт успешное наступление на Румынию», (Там же) или: «Германия практикует высадку десантов и у нас вот под Ленинградом немцы сбросили 10 тыс. парашютистов, не успел из них никто приземлиться... (Там же)

...К началу Великой Отечественной войны телевидение, вещание которого началось в 1939 г. в Москве и Ленинграде, широкого распространения ещё не получило. Но регулярное радиовещание, начавшись в 1924 г., к 1941-му стало всеохватывающим: в большинстве городских квартир и сельских изб прислушиваются к чёрной «тарелке» репродуктора. На центральных улицах и площадях городов и сёл установлены громкоговорители.

Об огромной роли прессы в жизни людей на фронте, в советском тылу и на временно оккупированных территориях говорят поразительные факты. Фронтовики с боевых позиций требуют: «Пришлите снарядов и газет» (Бирюзов, 1966: 16). В тылу свежую прессу читают в любой библиотеке или клубе, в «партийном кабинете» - на предприятии, на селе — в избе-читальне. В соответствии с суровыми нормами военной жизни, подчас на «общественных» экземплярах газет стоят штампы-наказы, грозно предупреждающие: «Не задерживай газету более 1 часа», «Прочёл — передай другому».

За время войны в сводках Совинформбюро публикуется более 1800 сообщений о героических делах партизан. Газеты с этими сообщениями, специальные выпуски «Вести с Советской Родины» и листовки самолётами разбрасываются над временно оккупированными территориями,

доставляются в партизанские края. Известен случай, когда жители предложили партизанам корову за номер газеты «Правда». А общий тираж газет, выпусков «Вести с Советской Родины» и листовок, отправленный в немецкий тыл, перевалил за миллиард экземпляров. (Пономаренко, 1986: 25.)

...В Наркомат связи поступают сообщения о пропаже газет на железных дорогах, комиссии НКС выясняют, что из газет чаще всего пропадают «Правда» и «Красная звезда», из журналов - «Огонёк» и «Крокодил». (Широкоград, 2001: 103). Столь повышенный интерес к этим четырём изданиям объясняется их традиционной, еще довоенной, популярностью и публикацией с первых дней войны любимых в народе писателей, поэтов, журналистов, художников-карикатуристов...

Областные уполномоченные Комиссии Комитета партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП (б) систематически проверяют, как поставлена агитационная работа на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах. Отметим важнейшую черту работы советской пропаганды — увязывать непосредственные задачи каждого предприятия с глобальными проблемами, стоящими перед всей воюющей страной.

А так же отметим, что, вопреки ныне распространенному мнению о навязчивости пропаганды, её неэффективности, ненужности и неприятии простыми людьми, архивные документы, подчас, свидетельствуют об обратном. Например, работницы ткацкой фабрики им. Дзержинского в г. Иваново Дворова, Сидягина и другие рассказывают контролёрам КПК: «Мы совсем отстали от жизни, нас никто не собирает и о войне нам никто не рассказывает. Мы узнаём о победах от тех, у кого есть радио, а ведь знаете, пока до нас дойдёт, половину перепутают...» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 258. Л. 42). Тазовщицы тт. Гаврилова, Савичева, мобилизованные на фабрику из ближайших к Иваново деревень сетуют: «Здесь хуже, чем в деревне отстали от событий. Что делается сейчас на фронтах отечественной войны, узнаём только от соседок. В колхозе, как только возьмёт какой город наша Красная Армия, нас собирали в читальне и рассказывали, а здесь нет» (Там же). Однако, на Ивановском же комбинате им. Балашова агитатор Кузнецова придерживается обратного мнения: «она уже месяц как не проводила бесед, так как у неё нет времени и у работниц - то же самое, потому что они работают по 11 часов и не соглашаются задерживаться на беседу». (Там же: 43). И всё же в главном идеологическом споре тех лет большинство советских людей признавало «общественное выше личного», – сим победили!

В моём личном архиве немало писем военных лет. Когда читаешь строки, написанные молодыми, 18-25 летними парнями и девушками своим родным и близким, не покидает ощущение, что написаны они... одним человеком — необычайно цельным, решительным, уверенным в

себе и, что особенно важно, в своей стране. Но при этом - не лишённым остроумия, начитанным или стремящимся «начитаться», верящим в любовь, в своё предназначение, к старшим, относящимся с одновременным почтением и некоторой покровительственной снисходительностью; любящим поучать младших и стремящимся быть для них примером, готовым вдохнуть жизнь полной грудью, но и расстаться с ней во имя счастья своей страны. И... немного наивным, слишком правильным, с позиций нашего циничного времени. Именно таким явственно вырисовывается коллективный портрет всего молодого фронтового поколения, с совпадающими, близкими мыслями, интересами, мировосприятием.

Елена Калмыкова, москвичка, живущая в знаменитом и элитном, как теперь принято говорить, «Доме на набережной», по ул. Серафимовича, д. 2, пишет в Свердловск подружке Гале Рудзянской 29 декабря 1942 г.: «Галочка! Мы с Наташей ведём большую переписку с фронтовиками. И вот сегодня я получила письмо от одного лейтенанта... какие чудесные письма пишет он под грохот разрывающихся снарядов и под пулёмётную стрельбу. ..Какая замечательная молодежь воюет у нас на фронте, защищая нашу свободу. Его адрес мы узнали из «Вечерней Москвы», куда поместили их письмо с просьбой написать им кого-нибудь. Но он не единственный, кому я пишу, я переписываюсь с пятью фронтовиками и получаю в этом большое удовлетворение. Если бы ты знала, как приятно бывает читать, что твои письма согревают их там, помогают бороться ещё настойчивее и упорнее»... (Личный архив автора). Не удивительно, что после эпистолярных «романов» с фронтовиками однокурсники по институту кажутся Елене «ersatz-мальчиками».

В московскую «блатную» Марьину Роцу, семейству Журавлёвых пишет сын Коля 21 сентября 1943 г.: «дорогие мои, пишу вам письмо в г. Пензе, я еду на (вымарано военной цензурой) фронт. ...У меня нет бумаги, осталось два листа, писать придётся реже, вы не беспокойтесь, я вас предупреждаю. Еду на хороший участок фронта... Надейтесь на бога, бог даст, увидимся с вами снова...» (Личный архив автора).

В дачную подмосковную Малаховку Уманским пишет из Австрии Борис Каган 14 апреля 1945 г.: «Как тяжело быть вдали от своей Родины, как мучительны ночи и дни пребывания на чужбине, вдали от своих, но только лишь то, что всему этому скоро наступит конец и победит советский народ и свободные народы мира фашизм, вселяет бодрость духа. Скоро вы услышите салюты за Вену...» (Личный архив автора).

Будущий морской офицер Александр Хрульков в конце 1944 г. пишет отцу из Ленинграда в далёкую Хакасию: «Недавно видел американский кинофильм «Песня о России». Да, папа, вот этот фильм и другой американский фильм «Северная Звезда» очень много сделали в Америке

для нас, русских. Очень большую пропагандную роль они сыграли в укреплении нашей русско-американской дружбы». (Личный архив автора.) Младшую сестрёнку Ларису курсант расспрашивает и поучает на правах старшего: «Лорка, какие ты картины там смотришь? Что нравится? Я тебе напишу, какие картины (новые) я смотрел и какие мне понравились: «Жди меня», «Два бойца», «Воздушный извозчик», «Джорж из Динки-джаза» - все эти картины прекрасны, советую посмотреть. Если будет у вас идти кино «Жди меня», обязательно «выгони» посмотреть эту картину папу и маму. Им она очень и очень понравится». (Личный архив автора.)

Интересно, что упоминает будущий моряк и ныне почти забытые зарубежные киноленты, оценивая по-взрослому снисходительно: «Видел недавно новую картину «Ураган». Сюжет картины довольно прост, как почти во всех английских и американских картинах. Мол, есть люди, которыми правит любовь и воля (вернее, стремление к воле) и что такую любовь не могут сломать годы, не удержат тюремные стены и никакие законы не устоят перед ней. Но техника картины богата. Советую посмотреть». (Личный архив автора.)

Британская комедия положений «Джорж из Динки-джаза» - о беспечном музыканте случайно оказавшемся втянутым в шпионскую историю, и как бы шутя, мимоходом, совершающем геройские поступки, доставляя много неприятностей фашистам. «Джорж из Динки-джаза» упоминается и советской послевоенной киноленте, снятой замечательным режиссёром и актёром Л. Быковым «В бой идут одни старики». Этот фильм до сих пор остаётся одним из лучших наших фильмов о войне, наверное потому, что в нём подмечено очень много черт повседневной фронтовой жизни, быта, которые всегда интересны зрителям. И эти подробности постановщик не выдумал, - узнал из доверительных бесед с летчиками-ветеранами.

...Письма курсанта А. Хрулькова своей семье весьма показательны тем, что уверен он — там, в сибирской дали, идут те же фильмы, что смотрит он в почти столичном Ленинграде, лишь недавно освобождённом от вражеской блокады, потому что налажена в воюющей стране киноиндустрия, — от производства киноплёнки до функционирующей сети кинотеатров.

А как работала немецкая пропагандистская машина? Какой культурный продукт, так сказать, предлагала немецкому зрителю и тем народам, которым, по словам фашистских идеологов, Германия несла «высокую культуру»?

...Однажды певица К. Шульженко и руководитель джаз-оркестра В. Коралли, с концертной фронтовой бригадой приехавшие на фронт, оказались свидетелями допроса немецкого пленного. Поинтересовались у бедолаги, как часто выступают в немецкой армии артисты? Немец даже не

понял, о чём его спрашивают — какие концерты могут быть на войне? Статья об этом в журнале «Советская музыка» 1946 г. так и называется «Фрицам не понятно». (Советская музыка, 1946: 88-89.) А в советских войсках за годы войны только мастера эстрады дали свыше 100 тысяч концертов, а ещё - фронтовые бригады драматических артистов, неисчислимое количество самодеятельных коллективов заводов, фабрик и колхозов страны, так же выезжающих на фронт, плюс местные таланты из среды самих бойцов и командиров.

Но, невозможно представить, например, русское или советское кабаре, столь популярное у немцев, так же, как и невозможен русско-советский канкан, ни в кинематографе, ни в жизни. Хотя, например, оперетта была востребована чрезвычайно. «Роз-Мари», «Сильва» шли даже в блокадном Ленинграде, а на экраны страны в 1944 г. вышел фильм-оперетта «Сильва» - первая и единственная художественная кинолента, снятая во время войны Свердловской киностудией, открытой в 1943 г.

И всё же у нас опереточного «гламура» было на порядок меньше, чем в Рейхе или Штатах. Хотя наш зритель видел ещё в довоенных фильмах озорную Любовь Орлову, танцующую на дуле цирковой пушки в «Цирке», или её же героиню в фривольном платье из сети, отплясывающую в «Весёлых ребятах». А потом советский послевоенный зритель увидел Марику Рёкк и других западных кинодив, машущих ножками с той же легкостью, как русские девушки «синеньким скромным платочком». Но нельзя и представить героинь советских кинокартин «мяукающими» европейскими «кошечками» - наши, даже в нарядах всегда интернациональной моды — все, как на подбор, «девушки с характером» и любят их, кажется, именно за это.

С другой стороны, парадоксально, но факт — немецкая массовая культура, в своём стремлении к реалистичному искусству, монументальности и грандиозности, к воспеванию красоты мускулистого тела труженика, спортсмена или воина была близка идеям социалистического реализма. И это было своеобразным веянием времени. А вот кто у кого перенимал технические приёмы и эстетику в целом — ещё вопрос.

Итальянский киновед и кинокритик Серджо Чеккини, вспоминая годы фашистской диктатуры в Италии, рассказывал: «Фашисты хотели иметь свои пропагандистские фильмы и оказали давление на кинематографистов, чтобы они их ставили. Фашисты желали, как Геббельс, который в Германии требовал от немецких кинематографистов «нацистского» «Потёмкина», чтобы они извлекли пользу из опыта советского кино и создали бы фашистские произведения на столь же высоком художественном уровне. ...Они пытались имитировать внешние черты советских фильмов, подражать их приемам в некоторых

пропагандистских лентах... пытались втиснуть достижения кино в рамки мелочных правил. ...отрицательного героя следовало снимать снизу, так, чтобы при помощи фотографической деформации придать ему ещё более бесчеловечный и жестокий облик, а жертву надо было снимать сверху, чтобы она казалась ещё более жалкой и словно раздавленной победившей её силой. Дело шло чуть ли не к тому, что отрицательные персонажи должны были входить в кадр слева, а положительные справа». (Итальянские писатели о Стране Советов, 1986: 35-36). Увы, наивное, слепое, примитивное копирование никогда не приводит к созданию настоящего шедевра.

Стремление к почти античному поклонению красоте человеческого тела ярче всего выразил немецкий кинематограф фильмами Лени Рифеншталь «Триумф воли» и «Олимпия». Видимо, эстетические воззрения знаменитой фрау-режиссёра и близкой подруги фюрера глубоко врезались в мировосприятие её соотечественниц, коль странное, игривое небрежение к морали и даже отталкивающий натурализм находим в неожиданном свидетельстве — немецкой открытке из моей коллекции, датированной: 20 июля 1945 г., Берлин. На рисунке — дамы в довольно закрытых пляжных нарядах, но на обороте текст на русском: «Здесь «очень хорошо» выглядят немки на пляже. Когда мы их видели, то они похожи на скелеты из анатомического музея. Бюстгальтеров они совсем не носят».

Какое шокирующее для целомудренных советских людей зрелище! И какой нелепой в этом контексте представляется до сих пор часто упоминаемая даже в российской прессе Геббельсовская «поливка» или, можно сказать, своеобразное «эхо идеологической войны» о миллионах немок от 5 до 70 лет, якобы, изнасилованных советскими солдатами. Нам внушают, что несчастные женщины были вынуждены прятаться от своих неумолимых преследователей по чердакам и подвалам, но тогда отчего же они не боялись выставлять на показ свои тощие «музейно-анатомические» прелести на пляже?

...Трепетное поклонение красоте человеческого тела отчетливо прослеживается в стремительно-монументальной скульптуре Веры Мухиной «Рабочий и колхозница», в работах Матвея Манизера, украсивших станцию метро «Площадь революции», в пятидесяти скульптурах спортсменов и спортсменок, созданных скульптором Иваном Шадром для первого в мире Парка культуры и отдыха им. Горького в Москве.

Мало кто знает — натурой для тиражированной в сотнях гипсовых копий «девушки с веслом» стала студентка института физкультуры Вера Волошина, осенью 1941 г., уже партизанкой, принявшая мученическую смерть от рук фашистских оккупантов, подобно Зое Космодемьянской, и буквально в нескольких километрах от места казни Зои. А за месяц до

этого при авианалете на столицу в Парке Горького была почти мистически разрушена её бронзовая копия, 11-метровая «девушка с веслом»...

...Во Второй мировой войне СССР противостояла не только «сильнейшая армия мира», но и мощнейшая фашистская пропагандистская машина и враг не дремал! При подготовке к нападению на СССР в фашистской Германии, в каждой военной и гражданской структуре создаются специальные отделы, подчиняющиеся Управлению по делам пропаганды. В особые роты, входящие в состав частей вермахта, призваны военные журналисты, фото-кино-радиорепортёры, специалисты по изданию листовок, плакатов, газет, книг. Центральный орган - Министерство с красноречивым дисгармоничным названием – народного просвещения и пропаганды, имеет восточный отдел с подразделениями для работы на население СССР под названием «Винета» («венеты» - одно из древних названий славян и русских в Европе). В области пропаганды вменено работать и Министерству по делам оккупированных восточных территорий, возглавляемому прибалтийским немцем Розенбергом, создавшим дополнительно спецподразделения пропаганды в оккупированных районах, местное радио, местную прессу, и даже пытающимся взять под идеологический контроль духовенство. Много усилий в пропаганде «нового мирового порядка» прилагала, в сотрудничестве с немцами, белоэмигрантская организация «Антикоминтерн»... (Окороков, 2011: 246).

Зав. отделом агитации Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) С. Зеленов 13 декабря 1944 г. в записке на имя секретаря ЦК ВКП (б) Г.М. Маленкова оценивает политическую обстановку в Литовской ССР после изгнания из неё фашистов: «Немцы создали литовский центр антисоветской пропаганды, так называемое «Студиус Бюро», который издавал свой журнал под названием «Литовский архив» (вышло 4 тома). ...В Литве выходило 8 республиканских газет с общим тиражом около 500 тыс. экз. ...Немцы издавали в Литве 16 журналов. За время немецкой оккупации в Литве было издано 3,5 миллиона книг; особенно большими тиражами печаталась антисоветская литература. Все культурные учреждения: театры, кино, школы были исключительно литовскими: русские, польские, еврейские школы и театры были закрыты». (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 258. Л. 91). 3,5 миллиона антисоветских изданий только на маленькую Литву!

Но, несмотря на антисоветские настроения, открыто выражаемые чуть ли не 90 % литовской интеллигенции, опасаясь «русификации» Литвы, «население проявляет живой интерес к происходящим событиям. ...В Вильнюсе, ежедневно в часы передач по радио сводок Советского Информбюро и последних известий на польском и русском языках около уличных динамиков собираются толпы народа. Такой же огромный интерес

и к центральным газетам, вывешенным в витринах. Около киосков Союзпечати устанавливаются очереди еще до получения газет». (Там же: л. 105).

Пропагандистской машине фашистской Германии противостоят в СССР Управление агитации и пропаганды при ЦК ВКП (б) под началом Г.Ф. Александрова и Главное политическое управление КА, которым с начала 1942 г. руководит секретарь ЦК ВКП (б), Первый секретарь МГК ВКП (б) и начальник Совинформбюро (СИБ) А.С. Щербаков. Эти организации курируют работу радио, редакции газет, журналов, книжных издательств. Многие сотни общественных агитаторов, пропагандистов, политинформаторов, черпающих знания и силу духа из радиопередач, газетно-журнальных публикаций и листовок, изданных на их основе, работают на фронте и в трудовом тылу.

Уже 24 июня 1941 г. Постановлением ЦК ВКП (б) создается Совинформбюро (СИБ), обязанное ежедневно готовить для радио и прессы военно-оперативные сводки об обстановке на фронте. Но информация о первых неделях войны, предоставленная оперативным отделом Генштаба КА, столь трагична и убийственна, что начальник нового органа печати А.С. Щербаков решается давать её в сводках в собственной редакции, облекая в обтекаемые формулировки: «идут упорные бои местного значения с превосходящими силами противника», «существенных изменений на фронте не произошло», «наши войска ведут бои с противником на всех фронтах»...

28 июня немецкие войска занимают Минск. Сводка Совинформбюро за этот день сообщает лишь: «На Минском направлении войска Красной Армии продолжают успешную борьбу с танками противника, противодействуя их продвижению на восток. ...По уточнённым данным, в боях 27 июня на этом направлении уничтожено до 300 танков 39 танкового корпуса противника» (Сообщения Советского Информбюро, 1944: 8). Сводка за 29 июня не проясняет ситуацию: «На Минском направлении усилиями наших наземных войск и авиации дальнейшее продвижение прорвавшихся мотомехчастей противника остановлено. Отрезанные нашими войсками от своих баз и пехоты мотомехчасти противника, находясь под непрерывным огнем нашей авиации, поставлены в исключительно тяжёлое положение» (Там же: 11). Вскоре Совинформбюро все-таки приходится сообщать: «после упорных боёв наши войска оставили города...» (Там же: 139-140).

Такую необъективную подачу материала сегодня можно осуждать, но в ту пору насущной необходимостью было: не допустить упаднических настроений и паники. Сотрудники Совинформбюро не были профессиональными психологами и уж тем более ничего не слышали о столь модном ныне нейро-лингвистическом программировании (НЛП), но

профессиональное журналистское чутье подсказывает им необходимые «кодовые слова», которые повторяются рефреном в сводках СИБа и передовых статьях газет, становятся устойчивыми выражениями, «программирующими» людей на победу: «временно оккупированные советские территории», «временные успехи противника», «наши временные неудачи»...

Другой тонкий психологический прием, используемый в сводках — своеобразное «уравновешивание» информации: даже в дни фронтовых поражений сводка обязательно рассказывает еще и о ярких боевых эпизодах, называя имена отдельных героев и целых героических полков и дивизий, о трудовых победах советского тыла, и тут же - о тяжелом положении в европейских странах, оказавшихся под фашистским сапогом, и во множестве цитирует покаянные признания немецких пленных.

Когда «наши временные неудачи» преодолеваются, а Красная Армия начинает решительное контрнаступление под Москвой 5 декабря 1941 г., сводка Совинформбюро от 7 декабря лишь осторожно отмечает: «На ряде участков Западного фронта наши части, отбив ожесточённые атаки противника, своими контратаками нанесли немецким войскам большой урон в технике и живой силе и продвинулись вперёд». (Там же: 397). Будем помнить — в те дни и годы сводок Совинформбюро ждёт не только наша страна, но и весь мир — и друзья, и недруги...

Не будем забывать и о том, что, если советская пропаганда в критических ситуациях могла что-то недоговаривать, то фашистская откровенно врала. Ведь её руководитель «доктор» Геббельс и не скрывал главного принципа своей «работы»: «Врите больше, что-нибудь да останется!» И врало германское радио не только в дни поражений. Москвич Н. Вержбицкий на страницах своего дневника приводит разговор от 14 декабря 1941 г. со знакомой, живущей на московской окраине, за Савёловским вокзалом: «Обычно выйдешь ночью – вся столица погружена в абсолютный мрак, и кругом ничем не нарушаемая тишина (за исключением тех часов, когда бомбежки). А с первых чисел декабря, если хорошо прислушаться, то с севера доносился гул, ровный, без отдельных ударов, сплошной гул далекого боя. И всю ночь без устали лаяли собаки. (Это было в те дни, когда писалось в германской сводке: «Через хороший бинокль можно видеть центр Москвы»). После 11 декабря собаки лаять перестали, и гул прекратился»... (ЦАОПИМ. Ф. 218. Оп. 198, 982. Д. 9. Л. 324).

...И если фашистские идеологи всё ещё пытаются разыграть карту «кровавого большевистского интернационализма», грезящего «мировой революцией», то мир уже не видит разницы между Россией и Советским Союзом, между русскими и советскими. Великий Ч. Чаплин, собирая многотысячные митинги в поддержку Советской России, требуя открыть

второй фронт, говорит: «Русский народ, который может так сильно бороться за свою идею, я говорю, - почти святой: Русские люди, должно быть, имеют чувство чего-то вечного в их душах. ...они почти боги и бог поймёт их, так как ему неинтересна техника. ...На полях сражении в России демократия или будет жить или умрёт. Судьба союзных наций в руках коммунизма» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 123. Л.1).

...Сегодня нам снова пытаются навязать этот мнимый «конфликт» русского и советского, но, пожалуй, можно сказать: это были годы, когда, русское - «осовечивалось», советское - «обрусевало». Советские художники рисуют карикатуры в лучших традициях русских сатирических лубков, с плакатов и открыток призывают к защите советского отечества Невский, Донской, Суворов, Кутузов... В музыке и литературе происходит последний «всплеск» песенного народного творчества - сохранившиеся ещё в глубинке «былинники речистые ведут рассказ» уже не о богатырях и витязях, а о победах Красной Армии.

Архангельская сказительница А. Суховерхова о советской родине рассказывает: «А ветвь серебряное,/ А листье жемчужное. /Кругом той золотой вербы/ Вырастала шёлкова трава, /Трава зрелая и спелая.../Обогрело красно-солнышко,/ Зацвели цветы лазурьевы...» Но: «Не польется Двина-река/ С подгоры на круту-гору, /Не бывать лютым ворогам /На советской родной земле» (Вечерняя Москва. 1941. 12 июля). Маремьяна Голубкова с Нижней Печоры в сказе «Сила храбрая красноармейская» говорит: «Не боится ветров гора-каменна, /От ветров гора – она не сдвинется. /Не боимся мы врага-супротивника» (Там же).

А уж частушки на злобу дня не уступают «Окнам ТАСС» по боевому напору и искромётному юмору: «Мать родная провожала, /Мне такой наказ дала: /- Береги страну родную, /Как тебя я берегла». Или: «Показали свои рожи /К нам фашисты-господа./ Мы их так в постель уложим. /Что не встанут никогда» (Там же).

В свою очередь, советские композиторы и поэты создают песни близкие по звучанию старым былинам, плачам и сказам, плясовым и частушкам. Именно такие песни, с близким русской душе напевом и словами, наполненными почти былинными образами, становятся самыми популярными на фронте и в тылу: «...Выходила, песню заводила про степного сизого орла»... «Знать не можешь доли своей, может крылья сложишь посреди степей»... «Ясные соколы» и «сизые орлы», мыслями устремляются к любимым, которые, конечно, верно их ждут: «Ты ждёшь, Лизавета, от друга привета... Эх, как бы дожить бы, до свадьбы-женитьбы, и обнять любимую свою»...

Предчувствие светлого дня Победы и святая вера в лучшую жизнь после войны живёт в каждой строчке фронтовой песни и именно это предчувствие становится главным стимулом пережить все невзгоды.

Сегодня мы, прожившие двадцать лет в «идеологии отсутствия идеологии», но культа золотого тельца, всё очевиднее понимаем, как важны были в противостоянии 1941-1945 гг.: стойкость и героизм бойцов и командиров Красной Армии и её полководцев, работа на пределе сил тружеников тыла и руководителей производств, творческие свершения в литературе и искусстве советской интеллигенции и сплотившей всех воедино идеологии, вдохновляющей на Победу.

Список литературы

- Рос. гос. архив социально-полит. истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 44.
РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 258.
РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 123.
Центральный архив военно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ). Ф. 218. Оп. 198, 982. Д. 9.
Личный архив автора.
Бирюзов, С. (1966) Летописцы великого подвига //Журналисты на войне, М.
Ведомости Верховного Совета СССР (1941). № 32.
Вечерняя Москва (1941). 12 июля.
Итальянские писатели о Стране Советов (1986). Л.:
Окороков А.В. (2011) Особый театр военных действий /Генерал Сандалов. Сборник документов и материалов. М.:
О Московской битве и Великой Отечественной войне. Воспоминания и статьи (1997). М.:
Пономаренко П.К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941-1945 (1986). М.:
Советская музыка (1946). 2-3.
Сообщения Советского Информбюро (1944). Т.1. М.:
Широкоград И.И. Центральная периодическая печать в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 (2001). М.:

Жукова Ольга Германовна – аспирант кафедры истории Московского гуманитарного университета
Zhukova Olga Germanovna – postgraduate student of History Department of Moscow University for the Humanities

**Эмиграция населения из России в Польшу
(1917-1927 гг.)
Жуков А.В.**

**The emigration of people from Russia to Poland
(1917-1927)
Zhukov A.V.**

Аннотация: В статье показано, что эмиграция населения из России в Польшу имела в 1917-1927 гг. массовый характер. В ее состав вошли не только белоэмигранты, но военнопленные, а также бывшие подданные Российской империи, не пожелавшие вернуться в Россию.

Ключевые слова: эмиграция, военные, гражданские лица, Россия, Польша, антисоветизм, военнопленные, казаки, украинцы.

Abstract: This paper shows that the emigration of people from Russia to Poland in 1917-1927 years was massive. It included not only the White Russians, but the prisoners of war, as well as former subjects of the Russian Empire that did not want to go back to Russia.

Keywords: immigration, military, civilians, Russia, Poland, anti-Soviet, prisoners of war, the Cossacks, Ukrainians.

В ряду стран, принявших эмигрантов из России в 1917-1927 гг. Польша занимает особое положение. Это связано с тем, что в эту страну эмигрировали десятки тысяч человек из нашей страны после революций и Гражданской войны, а также сотни тысяч бывших подданных Российской империи отказались вернуться в Россию, и остались в этой стране. В результате по подсчетам различных исследователей в Польше, оказалось, от 800 тысяч до 1 млн. различных категорий эмигрантов из России.

Это сложное и многослойное явление «русские в Польше» сформировалось не сразу. Оно было результатом мощных геополитических и социальных конфликтов первой четверти XX века (Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции в России, развал Российской, Австро-Венгерской империй, создание Версальской системы, а в ее составе Польской республики, Гражданская война в России, советско-польская война), а также ходом эмиграционных процессов, размах которых до настоящего времени недостаточно исследован. Территория Польши в период с 1917 г. по 1925 г. стала ареной перемещения гражданских и военных лиц из России.

Ход боевых действий Первой мировой войны, неудачное наступление царской армии привели к сдаче в плен немцам сотен тысяч российских солдат и офицеров. Большинство из них находились в концлагерях Герма-

нии, и после Брестского мира одна часть возвратилась домой, а другая часть добралась до Польши и осталась в этой стране.

Неудачное наступление войск Красной армии в 1920 г. в Польше, привели также к пленению поляками десятков тысяч солдат и офицеров. Многие офицеры, казаки и часть солдат затем сразу перешли в состав белой армии, а другая часть отказалась делать это и была заключена в концлагеря.

Польская республика, как и другие государства, образовавшиеся после распада Российской империи, сформировалась как многонациональное государство, в котором более трети составляло непольское население. После окончания советско-польской войны и на основании условий Рижского мира (март 1921 г.) к Польше отошли территории с преимущественно русским, украинским, белорусским, литовским и еврейским населением.

В современной польской историографии преобладает свой взгляд на проблему русских эмигрантов. У польских историков преобладает точка зрения, что эмигрантские группы по своим организационным принципам и внешним признакам самоидентификации разбиваются на две основные группы. С одной стороны это военные, с другой стороны это гражданские лица.

Военная эмиграция в Польше состояла из нескольких категорий. Первой группой были русские военные попавшие в плен к немцам в ходе Первой мировой войны, которые из Германии после Брестского мира и выхода России из мировой войны двинулись домой. Численность русских, к февралю 1919 г. (начало польско-советских военных конфликтов) пересекших границу Германии и оказавшихся на польских землях, по подсчетам польских историков, составила 280 тысяч человек. Однако их основная часть переправилась из Польши в Россию в белые формирования.

Второй группой русских военных, попавших в Польшу, стали люди, прибывших с корпусом А. Бредова. В их составе были больные, члены семей военнослужащих и офицеры этого корпуса, попавшие в сложную ситуацию под Одессой и не пожелавшие переправляться в Крым в состав Русской армии под командование П. Н. Врангеля. С армией Бредова прибыло в общей сложности до 30 тысяч человек, включая беженцев из-под Одессы, отряд «Спасения родины», часть гарнизона Одессы и ее окрестностей, отряды пограничной и полицейской стражи (В поисках лучшей доли, 2009: 209-210).

К январю 1920 г. в отряде было 2 тысячи больных. Украинцы из отряда в количестве почти 4 тысяч человек перешли в Стрелецкую бригаду О. Удовиченко Украинской народной республики. Общее число оставшихся в Польше в качестве беженцев составило почти 7 тысяч человек. 6 июля 1920 г. распоряжением генерала Оссовского они получили статус бежен-

цев без ограничения срока на жительство с правом выбора места по собственному желанию и бесплатного переезда к нему.

В 1920 г. в районе Сочи и Туапсе красным войскам сдались 3 кубанских и 2 донских корпуса, 1409 офицеров и чиновников, 10 099 урядников и 28 906 рядовых. Часть казаков после сдачи в плен, затем была мобилизована и отправлена на польский фронт. В результате с весны 1920 г. большинство красной кавалерии стали составлять сдавшиеся казаки: донцы, кубанцы, терцы, оренбуржцы. Существенно пополнилась за их счет 1-я Конная армия С. М. Буденного, сформированная почти целиком из казаков (Российское казачество, 2003: 121). Однако значительная часть казаков не захотела воевать за красных и впоследствии сдалась в плен полякам. Также из состава 21 стрелковой дивизии часть сдавшихся казаков, мобилизованных в Красную армию и находившихся в 83-м и 84-м полках, впоследствии во время боев с польской армией перешла на сторону поляков и рассеялась по Польше. Несколько позже бывшие белоказаки, входившие в состав 4-й кавалерийской бригады и других частей красных, также сдались в плен во время рейда по тылам поляков и остались в Польше (Карпов, 2005: 236–237) Эти казаки пополнили ряды белоэмигрантов, которые уже находились в Польше. Их основная часть расположилась в приграничных районах и возле Варшавы. С 1921 г. казаки вошли в состав управления интернированных казачьих частей в Польше, возглавляемого генерал-майором М. Н. Гнилорыбовым (Русская армия на чужбине, 2003: 454) и отрядов Б. Савинкова, которые собрали под своими знаменами около 28 тыс. человек. В их составе были не только казаки, но и остатки армий Булак-Балаховского, Перемыкина и других (Российский Государственный военный архив. Ф. — 33988. Оп. 2. Д. 362. Л. 161–162).

В период советско-польской войны на территории Польши сформировался значительный контингент сдавшихся красноармейцев в качестве военнопленных. В польских концентрационных лагерях, по подсчетам российских историков (Матвеева Г. Ф., Симоновой Т. М., Михутиной И. В.), было размещено от 145 до 206 тысяч красноармейцев. Одновременно из России (с территории Белоруссии, Украины и центральных областей) шел колоссальный поток беженцев, бежавших от Гражданской войны и голода, поразившего Россию в 1921-1922 гг. Среди них были как гражданские лица, так и военные.

С июля 1920 г. на территории Польши по решению польского Генштаба на средства Польской республики и при активном участии Б. В. Савинкова и его соратников стал формироваться антисоветский военный контингент: Народно-добровольческая армия С. Булак-Балаховича, 3-я Русская армия Б. Пермикина, казачьи отряды есаула Яковлева и другие. Частично их боевой контингент прибыл с атаманом С. Булак-Балаховичем из Эстонии, частично был завербован эмиссарами Савинкова из состава

бывших белых Северной и Северо-Западной армий, осевших после поражения в Эстонии, Латвии и северо-западных губерниях России. В антисоветские отряды вступали также бывшие русские военнопленные из лагерей Германии, жители северо-западных губерний России и Белоруссии.

Начиная с 1919 г. в Польшу стали проникать политические эмиссары, одни были ранее связаны родственными узами со страной, другие надеялись на активную роль Польши в борьбе против большевиков, третьи надеялись на поддержку их националистических программ.

Особенности и специфика формирования, пребывания и деятельности российской военной диаспоры в Польше в период между двумя мировыми войнами напрямую зависели от основных направлений внутренней политики и программных целей внешней политики польского государства. Именно эти факторы определяли условия жизни, характер правовой, социальной адаптации отдельных категорий россиян, их участия затем в вооруженных формированиях гитлеровцев. Судьба русской военной диаспоры напрямую зависела от их статуса. Особый положительный статус был у россиян, поддерживавших белое движение и интернированных антисоветских формирований. Намного сложнее было положение у бывших военнопленных советско-польской войны.

28 июня 1919 г. представители Польши на Парижской мирной конференции подписали так называемый «малый Версальский трактат» (Договор о национальных меньшинствах), который был ратифицирован 10 января 1920 г. В нем были оговорены условия принятия и признания польского гражданства, которое должно было признаваться на основе международного права за всеми имеющими местожительство на территории страны (*domicilies*). При этом в понятие домицилианта (*domicile*) было включено «серьезное и постоянное поселение с намерением оставаться» на территории страны.

Подписав договор, Польша тем самым приняла на себя присущие международному праву обязательства: обеспечить равноправие граждан независимо от национальности и вероисповедания, а также использование ими родного языка в частной области и в публичных местах, в судопроизводстве. Польское государство обязалось обеспечить возможности организации национальных школ и обучение в них в начальных классах на родном языке на государственные средства. На то, что в этих школах пропагандируется антисоветизм, польская сторона смотрела сквозь пальцы.

Однако в Законе о польском гражданстве, принятом Сеймом 20 января 1920 г., международные нормы, на которых был основан «малый Версальский трактат», были нарушены. В текст закона были введены понятия «оседлость» и «индигенат» на польской территории, а также «постоянное место жительства», что существенно суживало круг лиц, имеющих право получить польское гражданство. Следствием такой трактовки стала неиз-

бежность полицейско-административной регистрации «не оседлого» населения. Введение новых категорий польскими законодателями значительно сузило понятие домицилианта¹ в ущерб правам даже коренного населения. Лицам «без гражданства» (впоследствии – «иностранцами») стали сотни тысяч постоянно проживавших в Польше и все беженцы.

Статья 8-я закона содержала понятие «пожалования права гражданства» при условии: 1) безупречного образа жизни, 2) 10-летнего пребывания на территории государства, 3) наличия средств существования для собственного обеспечения и для обеспечения семьи, 4) знание польского языка.

Определения категориям «беженцы» и «эмигранты» были даны в двустороннем советско-польском соглашении о репатриации, подписанном 24 февраля 1921 г. между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой. К категории беженцев были отнесены лица, которые до 1 августа 1914 г. проживали на территории одной из сторон и находились на территории другой стороны. К ним относились все, кто в период мировой войны 1914-1918 гг., «российско-украинско-польской» и гражданской войны оставили «занятые или угрожаемые неприятелем районы» либо были выселены распоряжением военных или гражданских властей. К беженцам отнесли также бывших военнопленных Первой мировой войны, которые до 1 августа проживали на территории одной из договаривающихся сторон, а также бывших военнослужащих российско-украинских армий, находившихся на территории Польской республики, если они не были взяты в плен регулярной польской армией. Последнее обстоятельство стало роковым для большинства пленных красноармейцев.

В соглашении было отмечено, что беженцами «ни в коем случае не будут считаться лица, которые в период царского режима, исключительно на основании своей официальной должности (военнослужащие, гражданские и военные чиновники), проживали на территории Польской республики».

К категории эмигрантов были отнесены только те граждане, которые до 1 августа 1915 г. эмигрировали на территорию другой стороны «в силу преследований за свои политические убеждения, национальную или религиозную принадлежность» Юридическое состояние всех лиц, оставивших по этим причинам Советскую Россию или Польшу после 1 августа 1915 г., не было оговорено (В поисках лучшей доли, 2009: 211-212).

Советское правительство, со своей стороны, предприняло ряд мер по урегулированию процесса эмиграции и иммиграции. 26 ноября 1921 г. Совнарком издал Декрет о лишении советского гражданства следующих категорий лиц: 1) «пребывавших за границей непрерывно свыше 5 лет и не получивших от советских представителей загранпаспортов или соответ-

¹ Домицилиант – проживание постоянно на данной территории

ствующих удостоверений до 1 июня 1922 г.; 2) лиц, выехавших из страны без разрешения советской власти; 3) добровольно служивших в антисоветских армиях и участвовавших в таковых же организациях; и других.

В отношении некоторых социально-политических групп, пребывавших за границей, был издан ряд декретов, облегчавших их возвращение на родину. Они касались рядовых солдат белых армий и рядовых участников контрреволюционных выступлений, вовлеченных в антисоветскую борьбу «обманом и насилием». Повсеместная общая амнистия, дарованная ВЦИК 3 ноября 1921 г., также касалась рядовых солдат белых армий и военных организаций Колчака, Деникина, Врангеля, Савинкова, Булак-Балаховича, Пермикина и Юденича и находившихся в Польше, Румынии, Эстонии, Литве и Латвии. Они получили право возвратиться в страну на общих основаниях с военнопленными. В категорию амнистированных, на основании решения ВЦИК от 11 августа 1923 г., вошли и лица, выселявшиеся польским правительством из страны.

15 сентября 1923 г. был подписан циркуляр Наркомата иностранных дел об отказе в разрешении на въезд в СССР лицам, потерявшим гражданство. К ним отнесли офицеров белых армий и лиц, нелегально выехавших из СССР после 7 ноября 1917 г.

Наконец, постановление ЦИК и СНК СССР от 13 ноября 1925 г. предусматривало утрату гражданства лицами, пропустившими регистрационные сроки для получения гражданства; военнопленными и интернированными военнослужащими царской и Красной армии, а также амнистированными, служившими в белых армиях и принимавшими участие в контрреволюционных восстаниях. Таким образом, были закрыты все пути для возвращения домой всем представителям русской военной эмиграции, находившимся в Польше и по каким-либо причинам не сумевшим пройти данную процедуру. Многие пленные красноармейцы, находившиеся в польских концлагерях, эту процедуру пройти не смогли и остались там.

Практическое применение как международных, так и правовых норм, выработанных, выработанных в двустороннем порядке, находилось в сильной зависимости от общего политического курса страны. Еще в сентябре 1919 г. МВД Польши провел первую регистрацию иностранцев, которые не являлись подданными государств – союзников Польши. Русские и германские граждане были выделены в особую категорию: они были лишены свободы передвижения и поставлены перед необходимостью регулярной регистрации. Только политическим эмигрантам – противникам большевиков, если они смогли подтвердить это, вручали так называемые «карты азилия»¹, прочие эмигранты могли рассчитывать только на «карты побыта».

¹ Karta azylu (польск.) – в дословном переводе – удостоверение (билет) об убежище, karta pobytu – удостоверение о пребывании.

Идеологическая основа национальной политики Польской республики была разработана весной 1921 г. во втором отделе генерального штаба польской армии. Основное направление ее проистекало из факта создания «национального государства с преобладанием польского элемента», которое «должно стать этнографически польским». Из этого обстоятельства следовала необходимость «полонизации окраин в границах Рижского договора», а также «работа в направлении расчленения России путем отрыва от нее Украины, а также Белоруссии». Эти ключевые направления деятельности были положены в основу «дальнейшего отношения польских властей к русским, украинским и белорусским группам». Одним из приоритетных направлений в деятельности государственных структур Польши в 1920-х годах стало выдавливание беженцев и эмигрантов из страны в другие страны Европы (В поисках лучшей доли, 2009: 214-215) Такая деятельность польского руководства продолжалась до начала Второй мировой войны. После оккупации Польши немецкими войсками в 1939 г. ситуация в отношении части российских эмигрантов, поддерживавших оккупантов несколько изменилась. Немцы стали рассматривать эту часть белоэмигрантов как возможных союзников.

Список литературы

Российский Государственный военный архив. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 362.

В поисках лучшей доли (2009). Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX – XX в. М.:

Карпов Н. Д. (2005) Трагедия Белого Юга. 1920 год. М.:

Российское казачество (2003): Научно-справочное издание. М.:

Русская армия на чужбине (2003): Галлиполийская эпопея. М.:

Жуков Алексей Викторович – аспирант кафедры истории Московского гуманитарного университета

Zhukov Alexey Viktorovich – postgraduate student of the History Department of the Moscow University for the Humanities

**Создание белоэмигрантами военно-политической оппозиции
в Болгарии в 1920-1930-х гг.
Морошкин В.А.**

**Creation of the White émigrés the military and political opposition
in Bulgaria in 1920-1930's.
Moroshkin V.A.**

Аннотация: В статье показано, что эмигрантами в Болгарии была создана военно-политическая оппозиция советской власти. Для этого были использованы РОВС и другие эмигрантские организации.

Ключевые слова: эмиграция, Россия, Болгария, военно-политическая оппозиция, Русский общевоинский союз, эмигрантские организации, Лига борьбы с III Интернационалом.

Abstract: This paper shows that immigrants in Bulgaria were established the military and political opposition to Soviet power. For this were used EMRO and other émigré organizations.

Keywords: emigration, Russia, Bulgaria, political and military opposition, Russian Military Union, émigré organizations, the League of Combat against III International.

После эмиграции за границу часть белоэмигрантов продолжили свою борьбу с большевизмом. С этой целью генералом П. Врангелем там был создан Русский общевоинский союз.

В 1920-1930-х гг. под руководством РОВС активно создавалась военно-политическая оппозиция советской власти в Западной Европе, в том числе в Болгарии. Свой вклад в это серьезное дело в Болгарии внесли различные эмигрантские организации (Библиотека-фонд Русское Зарубежье. Ф. 2. Оп. 1. Д.К. 6-111. Л. 2-3).

В связи с тем, что в Болгарии находились элитные кадры врангелевской армии, это позволяло создать два центра РОВС. Третьим отделом с центром в Софии руководил сам генерал-лейтенант Ф. Ф. Абрамов (заместитель – генерал-лейтенант Н. Э. Бредов), но был и сильный подотдел в Бургасе под руководством генерал-лейтенанта А. Грекова. Всего на территории Болгарии к началу 1930-х гг. поддерживали РОВС 23 воинских группы и 38 союзов, организаций и обществ, размещенных в различных частях страны. Многие белогвардейские подразделения и организации принимали самое активное участие в подготовке государственного переворота в июне 1923 г. и подавлении коммунистического восстания в сентябре 1923 г. (Йованович, 2005:257).

РОВС в этой работе в Болгарии поддерживали следующие союзы и объединения: Союз Русских Офицеров, Общество офицеров Генерального

штаба, Общество Галлиполийцев, болгарское отделение Казачьего союза, Союз ветеранов русско-турецкой войны, болгарское отделение Русской секции антикоминтерновской Лиги Обера, Русский национальный союз в Болгарии, Союз легитимных монархических организаций, Общество почитателей Николая II, Союз российских студентов и другие. Эти союзы и объединения проводили серьезную антисоветскую пропагандистскую работу в эмигрантской среде и поддерживали РОВС в подготовке военно-политической оппозиции советской власти в условиях Болгарии (БФРЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. К. 6-111. Л. 3-4).

Со второй половины 1920-х гг. они играли в Болгарии большую роль в проведении различных акций идеологического характера для подготовки в эмигрантской среде военно-политической оппозиции советской власти. Для этих целей они проводили различные акции антисоветской направленности (БФРЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д.К. 6-72. Л. 1).

В 1927 г. были организованы мероприятия, посвященные 50-летию освобождения Болгарии от турецкого ига, которые стали заметным событием в общественно-политической жизни Болгарии. Они прошли по всей стране с участием представителей белоэмигрантских организаций. В своих докладах и выступлениях представители РОВС, Союза Русских Офицеров, Союза русских офицеров Генштаба, Национального Союза «Долг Родине», Фонда «Спасения Родины», Союза Георгиевских кавалеров, Общества Галлиполийцев, Союза Русских Инвалидов, Софийского монархического объединения отмечали героизм русских воинов в борьбе с турками и подчеркивали, что они потомки героев Плевны и Шипки после неравной борьбы с большевиками теперь находятся в Болгарии (БФРЗ. Ф. - 2. Оп. 1. Д. 6-111. Л. 8).

В ходе этих мероприятий белоэмигранты стремились проводить в СМИ антибольшевистскую и антикоминтерновскую пропаганду. Болгарские газеты «Свободна реч», «Мир» и эмигрантская газета «Русь» дали в начале 1927 г. обширную информацию об этих массовых мероприятиях (БФРЗ. Ф. - 2. Оп. 1. Д. 6-111. Л. 8 оборот).

Учитывая подготовку в СССР праздничных мероприятий, посвященных 10-летию Октябрьской революции, эмигрантские организации в Болгарии решили провести свои контрмероприятия. 15 октября 1927 г. они организовали серию мероприятий в Болгарии по поддержке протеста на имя Лиги Наций о 10-летию властвования в России Коминтерна и объявили 25 октября общерусским днем траура. Такие мероприятия прошли в Софии, Варне, Бургасе, Русе, Пернике, Сливене, Пловдиве и других населенных пунктах, где проживали белоэмигранты. В ходе этих мероприятий были призывы сплотить ряды белоэмигрантов в борьбе с большевизмом и Коминтерном (БФРЗ. Ф. - 2. Оп. 1. Д. 6-111. Л. 14-15).

Большую роль в сплочении эмигрантских сил в Европе, в том числе, в Болгарии в конце 1920-х годов сыграл Российский зарубежный съезд, проходивший в Париже в 1926 г.

После проведения всех подготовительных мероприятий съезд прошел 4-11 апреля 1926 г. в Париже. В нем участвовали 420 представителей русских диаспор почти тридцати государств. Этот съезд стал одним из центральных моментов общественно-политической жизни эмиграции и оказал большое влияние на жизнь многих белоэмигрантов.

На съезде был принят ряд значимых решений. В одном из них было сказано: «1. Съезд единогласно выявил твердую решимость всего Русского Зарубежья, приславшего своих депутатов на Съезд, вести беспощадную борьбу с III Интернационалом для спасения России (Российский Зарубежный съезд, 2006: 683).

В работе этого съезда приняли активное участие более 20 представителей от эмигрантов Болгарии. После съезда они вернулись в Болгарию и начали пропагандировать его решения в Софии, Пловдиве, Бургасе, Русе, Пернике, Варне Шумене, Видине, Сливене, Стара-Загоре и других населенных пунктах, где они проживали и работали (БФРЗ. Ф. 2. Оп. 1. КД 6-109. Л. 1-2).

Решения этого съезда впоследствии легли в основу деятельности многих эмигрантских союзов в Болгарии и оказали определенное влияние на дальнейшие события военно-политического характера в этой стране в 1926-1944 гг.

Значительное влияние на политическую деятельность эмигрантских организаций в Болгарии по подготовке военно-политической оппозиции советской власти оказали международные антикоммунистические организации. В 1924 г. швейцарским адвокатом Теодором Обером было учреждено в Женеве Международное соглашение для борьбы против III Интернационала. Соглашение представляло собой федерацию, существующих в разных странах обществ и ставящих себе целью борьбу против Коминтерна (ГАРФ. Ф. Р. – 6711. Оп. 1. Д. 337. Л. 4-5).

Эта Лига борьбы с III Интернационалом (Лига Обера) поставила на своем съезде задачу борьбы с III Интернационалом в международном масштабе. Для этих целей данной Лигой активно использовались различные формы агитации и пропаганды, выпускались разнообразные периодические издания, плакаты, листовки. В результате до многих стран была доведена правда о репрессиях в СССР и разоблачена большевистская ложь о положении в стране (ГАРФ. Ф. Р. – 6711. Оп. 1. Д. 337. Л. 5). В своем ежемесячном бюллетене *Documentation Mensuelle* давались сводки о состоянии дел в СССР, о той борьбе, которая ведется с большевизмом в странах мира. Лига Обера начала представлять информацию государственным деятелям, правительствам, Лиге Наций о борьбе с большевизмом по всему

миру (ГАРФ. Ф. Р. – 6711. Оп. 1. Д. 337. Л. 5 оборот). Все крупные международные мероприятия и репрессия большевиков в стране находили должный отклик Лиги Обера (ГАРФ. Ф. Р. – 6711. Оп. 1. Д. 337. Л. 6).

Свой вклад в эту работу вносил болгарский отдел Лиги Обера, который был организован в сентябре 1924 г. депутатом болгарского парламента Теодором Кожухаровым. Тогда же, в сентябре 1924 г., после приезда в Болгарию Ю. И. Лодыженского, была оформлена Русская секция Лиги Обера в Болгарии, которую возглавил генерал-лейтенант Ронжин.

Болгарский отдел Лиги Обера использовал в своей работе болгарскую и русскую печать, издавал материалы пропагандистского характера на болгарском и русском языках, делал доклады и информационные сообщения по всей Болгарии. Несколько позже было налажено издание информационного листка, организованы курсы агитаторов (ГАРФ. Ф. Р. – 6711. Оп. 1. Д. 337. Л. 9 оборот). Курировал эту работу в Болгарии член Секретариата Постоянного Представительства Русской секции в Болгарии А. Браунер (ГАРФ. Ф. Р. – 6711. Оп. 1. Д. 337. Л. 10).

Структура организации Русской секции Лиги Обера в Болгарии во многом была типичной для любой антисоветской общественно-политической экстремистской организации. Представительства этой организации состояли из официального представителя и ячеек, построенных по принципу пятерок, полузаконспирированных для увеличения интереса к ним со стороны молодежи, составлявшей их главный контингент и для облегчения работы, вследствие развивающегося скептицизма со стороны масс в уже существующих и вновь возникающих организациях. В столице Болгарии - Софии был создан Русский комитет друзей Международной Лиги по борьбе с III Интернационалом. Учредительное собрание Болгарского комитета Русского общества друзей Лиги Обера состоялось 7 февраля 1929 г.

В целом, деятельность Болгарского отделения Лиги Обера оживилась в 1929 г., когда удалось достичь объединения эмигрантских организаций вокруг местных представительств Болгарского отделения Русской секции Лиги Обера в городах: Бургас, Руса, Видин, Перник, Габрово и других. Идею объединения на местах всех эмигрантских сил во имя освобождения России пропагандировали газеты «Русь», и «Голос», которые распространялись болгарским представительством Русской секции в эмигрантской среде. Кроме этих материалов, распространялась и вся литература национальных организаций надпартийного толка. В эмигрантской среде велась массово-политическая работа с целью объединения всех антибольшевистских сил в составе Русской секции.

Значительная работа по организации антикоммунистической деятельности проводилась в городах Варна, Видин, Габров, Горн, Джумай,

Елисейн, Лом, Перник, Руса, София, Свищев, Севлиев, Велико-Тырново и других (ГАРФ Ф. Р. - 6711. Оп. 1. Д. 337. Л. 2-3).

Например, по инициативе Представительства Русской секции Лиги Обера в Русе был создан Комитет русской колонии, куда входило 250 человек из различных организаций, в том числе из армейской группы – 71, Общества Галлиполийцев – 106, Союза Офицеров – 15, Союза Инвалидов – 17, Национального Союза русской молодежи – 28, казаков – 65 и т. д. Комитет объединил 90% русских, проживающих в Русе и пользовался достаточным авторитетом среди русской и болгарской общественности. Комитет имел своего представителя в Центральном бюро Объединения Русских Общественных организаций в Софии.

Большую роль в объединении усилий всех антикоммунистических сил внес Съезд сотрудников Русской секции Международного соглашения по борьбе с III Интернационалом (Лиги Обера), который состоялся 29 сентября 1929 г. в болгарском городе Велико-Тырново. На съезде присутствовали 18 делегатов – членов Секретариата, представителей городов Варна, Видин, Габров, Горн, Джумай, Елисейн, Лом, Петрического округа, Руса, София, Свищев, Севлиев, Велико-Тырново. На съезде были рассмотрены следующие вопросы: работа в России и в эмиграции, в иностранной среде, распространение литературы, вопрос влияния и использования прессы, связь болгарской секции с иностранными организациями и другое (ГАРФ Ф. Р. - 6711. Оп. 1. Д. 337. Л. 1-2).

В резолюции съезда было отмечено:

1. Съезд, рассматривая эмиграцию как тыл в освободительном движении, полагает необходимым продолжить еще более интенсивную работу для организации и укрепления его, как резерва, из коего черпается моральная и физическая сила для продолжения борьбы за освобождения Родины (ГАРФ Ф. – 6711. Оп. 1. Д. 337. Л. 3 оборот).

2. Для успешности борьбы за освобождение необходимо исповедуемый Лигой Священный Союз всех антибольшевистских организаций, возможный лишь при широком проведении идеи объединения на местах.

Этот съезд способствовал объединению всех антикоммунистических сил среди эмигрантов в Болгарии. В результате проведенной работы Русская секция Лиги Обера начала более интенсивно разворачивать свою работу в Болгарии. Она постоянно готовила и отправляла для своих подразделений различные методические материалы для организации антисоветской пропаганды. Так, в мае 1931 г. Болгарский отдел Русской секции Лиги Обера активно использовал полученные из центра для агитационно-пропагандистских целей следующие материалы: «Методическое руководство по лекционной пропаганде» и 11 лекций (в брошюрах) в количестве 168 экземпляров. В 1930 г. после проведенной подготовительной работы в Болгарии начал выходить печатный орган Представительства русской сек-

ции в Болгарии, еженедельник «Антикоммунистическая газета» на русском и болгарском языках. В результате принятых мер агитационно-пропагандистская работа среди белоэмигрантов в Болгарии стала более эффективной. В качестве организационно-политических мероприятий на протяжении 1930-х гг. широко практиковались сборы денежных средств в Фонд спасения Родины или пожертвования в пользу Русской секции Лиги Обера. Они проходили по всей Болгарии, особенно активно участвовали в этих мероприятиях бывшие белогвардейцы, которые работали компактно на фабриках и заводах Софии, Варны, Руссы, Пловдива и на шахтах в Пернике (ГАРФ Ф. Р. – 6080. Оп. 1. Д. 26. Л. 66).

Главным направлением военно-политической оппозиции в Болгарии стала идеологическая борьба и основной формой этой деятельности стали издательская деятельность и устная пропаганда. В этих целях широко использовалась клевета, фальсификация, то-есть делалось все, чтобы дискредитировать СССР на международной арене и Коминтерн, подорвать доверие к советской власти и проводившимся социалистическим преобразованиям в нашей стране (ГАРФ Ф. Р. – 6711. Оп. 1. Д. 337. Л. 3-4).

В целом эмигранты в Болгарии оставили свой заметный след на политическом поле этой страны и сумели реализовать за границей в сложных условиях эмиграции свой значительный политический потенциал в деле создания военно-политической оппозиции советской власти.

В результате проведенного анализа можно утверждать, что эмигранты в 1920-1930-х гг. создали в Болгарии значительное количество союзов и объединений, которые решали серьезные военно-политические задачи и имели в большинстве своем антибольшевистскую направленность. Ряд союзов и объединений под началом болгарского отделения Русской секции антикоминтерновской Лиги Обера занимались также идеологической, антибольшевистской пропагандой среди эмигрантов. Эти союзы и объединения подготовили идеологическую почву и способствовали созданию в эмигрантской среде военно-политической оппозиции советской власти. После начала Второй мировой войны сложившаяся система военно-политической оппозиции в Болгарии была использована при вербовке белоэмигрантов в ряды немецкой и болгарской армий. В результате этой деятельности часть эмигрантов вступила в ряды Русского охранного корпуса в Югославии, немецкой разведки и болгарской армии, бывшей в годы войны союзницей фашистской Германии.

Список литературы

- Библиотека-фонд Русское Зарубежье (БФРЗ). Ф. - 2.
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. Р. – 6711.
ГАРФ Ф. Р. – 6080. Оп. 1. Д. 26.
Йованович М. (2005) Русская эмиграция на Балканах: 1920-1940. М.:

Российский Зарубежный съезд (2006). 1926. Париж: Документы и материалы. М.:

Морошкин Владимир Александрович – аспирант кафедры истории Московского гуманитарного университета

Moroshkin Vladimir Alexandrovich – postgraduate student of History Department of Moscow University for the Humanities

**Исторические модели реформирования государственной службы в
России: проблемы выявления и периодизации**
Борщевский Г.А.

**Historical models of public service reform in Russia: problems of identify-
ing and periodization**
Borshchewski G.A.

Аннотация: В статье с позиции авторской концепции исторических моделей рассматриваются подходы к проблеме реформирования института государственной службы, что позволяет исследовать трансформации в государственном аппарате через последовательную смену исторических моделей, раскрывающих связь между общим ходом исторического процесса и реформированием госслужбы безотносительно к ее правовому содержанию.

Ключевые слова: модель, реформирование, государственная служба, конкретно-исторический подход, кадры.

Abstract: This article is considered the historical models to reforming the institution of public service from the perspective of the author's conception, that allows to explore the transformation in the public unit through a succession of historical models that reveal the relationship between the overall course of the historical process and the reformation of the civil service without regard to the its legal content.

Keywords: model, reform, civil service, the concrete historical approach, staff.

Историческое изучение реформирования государственной службы предполагает выделение основания, которое могло бы служить для сопоставления процессов, происходивших в данной сфере в разные временные периоды. Отсутствие подобного базиса приводит к попыткам экстраполяции несовместимых элементов различных систем государственной службы без учета конкретных национальных и исторических условий, что обусловливает общую неэффективность происходящего реформирования.

Понятие *государственной службы* является одним из смыслообразующих не только для настоящей работы, но и, вероятно, для описания характера государственной власти в целом. В разные исторические этапы при различном характере государственной власти понятие государственной службы наделялось в России различным содержанием. Вместе с тем, несмотря на любые политические и юридические изменения, государственная служба сохраняется под любым названием и продолжает выполнять свои функции. *Функции государственной службы* в обществе понимаются нами, главным образом, как аналитическое, документационное, ор-

ганизационное, кадровое и иное обеспечение процесса принятия политических решений и их реализации на практике, осуществление государственной политики во всех сферах общественной жизни, применение правовых норм, контроль и надзор за их соблюдением, планирование и распределение общественного продукта и др.

Совокупность характеристик, которые определяют уникальную особенность государственной службы каждой страны в конкретную историческую эпоху, определяется нами как модель государственной службы. На наш взгляд, понятие модели является ключевым для понимания всего исторического процесса реформирования государственной службы.

Под *моделью* вообще в науке понимается образец, дающий представление о каком-либо явлении и процессе, его наиболее общих характеристиках (Словарь, 1997: 333). Применительно к государственной службе понятие модели в концептуальном плане использовалось ранее в рамках политической науки. Так, С. Эйзенштадт сформулировал модели взаимодействия политики и государственной службы - традиционную, модернизационную и транзиторную (Eisenstadt, 1963: 152). Ф. Риггс предложил модели сочетания партийности и политизации государственной службы: в одном случае карьера чиновника зависит от его лояльности политическому руководству, в другом – аппарат госслужбы сам формирует политическую элиту и последняя служит его интересам (Риггс, 1995: 92).

Б.Г. Питерсом выявлена модель взаимодействия госслужбы с политической властью и обществом через концепцию так называемых «административных моделей», под которыми им понимался исторически сложившийся набор ценностей, внутреннего устройства и форм взаимоотношений органов государственной власти с другими институтами, который обуславливает механизмы государственного управления в определенном обществе (Peters, 2008: 12). Критериями выделения моделей являются особенности взаимодействия государства и общества, административных и политических институтов и др. Б.Г. Питерсом и его последователями (К. Данхлстром, В. Лапуенте, П. Ким и др.) выделены англо-американская, наполеоновская, германская, скандинавская, китайская, японская и корейская административные модели. Эта теория в последние годы находит сторонников и в нашей стране (см.: Божья-Воля, 2012: 14).

Несмотря на основательность концепции Б.Г. Питерса, нельзя не отметить, что она не отражает историческую динамику развития государственной службы, а рассматривает названные административные модели как статичные, постоянные образования. Кроме того, ее автор исходит из того, что одинаковые модели могут существовать в целых группах стран. Наконец, Питерс исходит из влияния на деятельность административного аппарата только политических факторов. В этом проявляется принципиальная ограниченность данного подхода рамками политической науки.

Этими факторами обусловлена необходимость введения нового понятия «*исторической модели государственной службы*», значимость которого объясняется тем, что оно позволяет установить направления трансформации государственной службы, изменения ее качественного содержания от одного исторического периода к другому. Модель является базой для сравнения государственной службы в разных странах и в разные эпохи. Она необходима, так как в отсутствие такой базы сравнение будет осуществляться только по фрагментарным и формальным параметрам, и не будет представляться возможным понять внутреннее единство внешне различных национальных и исторических видов государственно службы.

Понятие исторической модели госслужбы строится, на наш взгляд, на сочетании трех основных элементов:

1) *ценностей*, то есть базовых императивных мировоззренческих установок, вокруг которых строится данная модель;

2) *приоритетов*, то есть направлений развития, определяющих на данном историческом этапе желаемое будущее и общие цели государственной службы;

3) *организационно-правовых рамок*, представляющих собой формальное выражение ценностей и приоритетов в организационной структуре, нормативной базе и принципах деятельности органов власти, в соответствии с которыми происходит, в частности, кадровая работа.

Следует отметить, что все эти элементы присутствуют в каждой выделяемой нами модели госслужбы вне зависимости от ее национальной и временной принадлежности.

Приоритеты развития госслужбы задаются политическим руководством страны, исходя из приоритетов развития общества. Ценности госслужбы непосредственным образом связаны с приоритетами и обеспечивают их достижение, они также являются производной от ценностей (этических, моральных, идеологических и иных мировоззренческих установок) данного конкретного общества. Организационно-правовые рамки являются формализованным выражением существующей модели и задаются в строгом соответствии с приоритетами и ценностями госслужбы. Если хотя бы один из трех элементов выпадает, говорить о целостной модели госслужбы уже невозможно. Речь в этом случае идет о так называемом *переходном периоде* развития, продолжительность которого определяется временем, необходимым обществу, чтобы выработать новую систему ценностей взамен утраченной и политическому руководству, чтобы сформулировать приоритеты для развития госслужбы в соответствии с этой системой ценностей, а также оформить их в организационно-правовые рамки.

Модели государственной службы различаются в национально-территориальном и историческом плане. Классическими примерами территориальных моделей государственной службы являются англосаксонская и

континентальная. Первая присуща странам британской правовой системы (США, Великобритания, Канада, Новая Зеландия, Австралия, Индия). В этих странах государственная служба понимается традиционно как публичная, общественная или гражданская служба (*public service, civil service*), а не как служба государству. Вторая – континентальная – модель, более свойственная европейским странам (Франция, Германия и пр.). Она также исследована отечественными авторами, которые приходят к выводу о том, что она ближе к российской традиции, нежели англосаксонская в силу родства правовых систем. В данной модели чиновничество выделено в особую профессиональную группу, кадры которой особым образом готовятся, оплачиваются и обладают специальным правовым статусом.

Сочетание исторической и территориальной модели образуют национальную специфику государственной службы конкретной страны в определенный период времени. Классическими примерами исторических моделей государственной службы являются модели рабовладельческих обществ, феодального периода, индустриального периода (вебер-вильсоновская модель «рациональной бюрократии»), постиндустриального периода (государственный менеджмент, клиент-ориентированная модель, модель оказания услуг) и другие. В современно мировой практике модели последних двух периодов сосуществуют параллельно, и первая модель постепенно, с известным сопротивлением, вытесняется второй.

В России на протяжении всей истории государственная служба имела некую более или менее ясно выраженную модель. При кардинальном изменении условия государственного бытия постепенно изменялись модели государственной службы, а промежуточное состояние между двумя моделями сопровождалось переходными периодами, как правило, совпадавшими с периодами «безвременья» в российской общественной истории.

Исторически *первая модель* государственной службы приходится на период существования древнерусской раннефеодальной монархии (IX–XI вв.). Ценностью, вокруг которой формировалась госслужба, на наш взгляд, была идея национальной идентичности, преодоления пережитков родоплеменного строя, а приоритетом – установление единого государства с сильной княжеской властью. Организационно-правовые рамки модели были заданы административно-налоговой реформой княгини Ольги, Русской правдой, иными актами и обычаями государственного управления.

С распадом Киевской Руси и эпохой феодальной раздробленности в XII–XIV вв. совпал *первый переходный период*, когда прежние ценности государства утратили свой смысл, а новых создано не было. Общественный кризис сопровождался кризисом государственности и государственной службы, которая на названном этапе представляла собой хитросплетение клановых интриг и борьбы удельных князей. Вместе с тем, в тот период государственная модель России приобрела оборонительный характер,

произошло заимствование ряда принципов управления, присущих восточным деспотиям, что неоднократно проявлялось впоследствии.

Вторая историческая модель государственной службы сложилась в Московском государстве XV-XVII вв., когда возникло сословие профессиональных потомственных делопроизводителей, сформировалась и развилась приказная система (Верхотуров, 2003: 180).

Ценности того периода связаны со складыванием русского централизованного государства и самодержавной, абсолютной власти. Приоритетом развития госслужбы было окончательное формирование в качестве «государевой службы» и установление контроля над всеми сторонами жизни общества. В XVII веке происходит процесс ограничения поступления на государственную службу лиц из податных сословий, и начинается постепенное отделение военной службы от гражданской. Обучение приказных людей и их детей велось на базе соответствующих приказов. Кроме того, открывались светские учебные заведения, выпускники которых также поступали на гражданскую службу. Правительство стремилось привить им нормы корпоративной этики («старание» и «радение»), боролось с «мздоимством» (взяточничеством) и пьянством. Организационно-правовые рамки этой деятельности были последовательно заданы Судебниками 1497 г. и 1550 г., Соборным уложением 1649 г.

Смутное время можно условно считать *вторым переходным периодом* в развитии госслужбы, но он был очень кратковременным, потому что общественные ценности практически не подверглись изменению. Смута представляла собой больше династический кризис, чем кризис царской власти вообще, поэтому воссоздать государственный аппарат на тех же началах удалось сравнительно быстро. Более того, после Смуты процесс централизации пошел еще активнее, чем до нее: общество в результате кризиса стало осознавать себя единой нацией под властью самодержавного царя.

Третья модель государственной службы связана с существованием Российской империи (с начала XVIII в. до начала XX в.). Формирование полноценной гражданской службы произошло в начале XVIII века в ходе преобразований Петра Великого. «Табель о рангах всех чинов...» (1722 г.) разделила государственную службу на военную, гражданскую и придворную, по каждой из которых был установлен перечень должностей госслужащих. Реформы Петра I привели к значительным переменам в работе государственного аппарата, причинами которых стали введение принципа служебной доблести в качестве критерия служебного продвижения вместо принципа знатности происхождения; вытеснение денежным принципом вознаграждения бытовавшего ранее натурального принципа, что позволило поставить государственных служащих в большую зависимость от государства. Постепенно формируются ценности общественного блага, и гос-

служба постепенно из «государевой» превращается в государственную. Во второй четверти XIX в. система ценностей государства была четко сформулирована в триаде «православие – самодержавие – народность», ставшей официальной мировоззренческой установкой более чем на полвека.

Приоритетом государственной службы были сословность и карьерный, постепенный характер должностного роста: повышение не по заслугам, а по выслуге лет. Особенности порядка производства в чины были определены в Табели о рангах, где указывалось на необходимость пройти последовательно всю должностную иерархию от низшего чина к высшему.

Организационно-правовые рамки данной модели складывались постепенно и содержали в себе начатки применения кадровых технологий. Так, Генеральным регламентом 1720 года президентам коллегий предписывалось формировать *резерв* обученных *кадров* и замещать ими вакансии. С середины XVIII в. началось ограниченное применение *конкурса* на замещение должностей государственной службы. Указ 1809 года «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытании в науках» ввел понятие *квалификационного экзамена* при зачислении на службу и продвижении на должности 8-го и 5-го классов. Экзамен предполагал испытание по программе высшего образования, проводимое профессорами университетов.

Указами от 21 апреля 1826 года и 7 ноября 1850 года были усовершенствованы подготовка кадров и повышение квалификации чиновников, усовершенствован порядок соблюдения послужного (формулярного) списка. Специальным актом 1827 года урегулирован вопрос о пенсиях государственных служащих. После 30 лет выслуги чиновникам полагалась пенсия в объеме полного оклада, после 25 лет – в объеме двух третей от него, а после 20 лет – одной трети (Устав, 1827). В 1832 году был введен фундаментальный «Устав о службе гражданской по определению от правительства», который содержал 840 статей, и в развитие его было принято еще около 200 нормативных актов (Зайончковский, 1978: 221).

Следует отметить, что статус не только руководителей, но и рядовых государственных служащих дореволюционной России был чрезвычайно высок: в любом административном учреждении страны прошение о приеме на любую государственную должность подавалось лично на имя государя. Поступающие на госслужбу лица приводились к присяге, нарушение которой каралось как уголовное преступление. Следовательно, все госслужащие в своей деятельности прямо или косвенно представляли особу государя. Уважение в обществе к чиновничеству культивировалось правительством, любые нападки на представителей государственной власти запрещались. Денежное довольствие большинства чиновников было скромным, но при должностном росте оно возрастало. Почет, возможность по-

лучения личного и даже потомственного дворянства, стимулировали образованную молодежь пополнять ряды госслужащих.

Слабым местом дореволюционной системы кадровой работы была правовая незащищенность чиновников: их увольнение осуществлялось на основании единоличного решения начальника, которое могло поступить в любой момент без объяснения причин и без возможности обжалования (п. 3 ст. 788 Устава о службе гражданской). Подобное бесправное положение способствовало развитию низкопоклонства перед начальством, опасливости, безынициативности, не способствовавших профессиональному росту.

Реформы 1905-1906 годов только расширили перечень лиц, имеющих право поступления на гражданскую службу, но не способствовали ее демократизации. На госслужащих не распространились гражданские права, данные другим категориям населения: им запрещалось организовывать профессиональные союзы, вступать в политические объединения.

Несмотря на все изменения в законодательстве, внедрения систем оценки и конкурса, доступ на госслужбу был фактически до конца монархии привязан к возможности получения гимназического и университетского образования, которую имели только представители имущих классов. Среди привилегированных классов отбор шел на основе профессиональных качеств, но значительное внимание отдавалось и критерию политической благонадежности. Лояльность и преданность в реальности ценились выше профессионализма. В госаппарате царской России наблюдалась тенденция к неуклонной бюрократизации, росту численности чиновничества.

Кроме того, организация госслужбы характеризовалась жестким централизмом, мелочной регламентацией, закрытостью, свойственными модели «рациональной бюрократии». Однако рассмотренная отечественная модель отличается от классической веберовской тем, что ей не были присущи стандартизация функций, правовая защищенность работников, четкая организационная структура и т.п. Вместе с тем, из всех исторических моделей российской госслужбы именно третья, имперская, на наш взгляд, ближе всего к модели «рациональной бюрократии».

Третий переходный период в развитии государственной службы, по нашему мнению, был связан с Октябрьской революцией и последовавшей Гражданской войной. Новой властью было высказано утверждение об отмирании государства и государственного аппарата, замене государственной службы выборными исполнительными и законодательными советами. В работе 1917 года В.И. Ленин отмечал, что «специфическое «начальствование» государственных чиновников можно и должно тотчас же, с сегодня на завтра, начать заменять простыми функциями..., которые уже теперь вполне доступны уровню развития горожан и вполне выполнимы за заработную плату рабочего» (Ленин, 1969: 53).

В годы революции и Гражданской войны государственная служба временно перестала существовать. Основанием для ее фактической ликвидации послужил Декрет Совнаркома «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» (Декрет, 1917), отменивший Устав о гражданской службе.

Однако объективный характер государственной власти привел уже в начале 1920-х годов к необходимости формирования на новых принципах политико-административного государственного аппарата, сформировалась *четвертая историческая модель госслужбы*. В период военного коммунизма началось возрождение государственных институтов во многом с использованием кадрового потенциала дореволюционных чиновников.

Ликвидация частной собственности привела к господству государственной формы собственности на средства производства, вследствие чего де-факто огромное большинство занятых в экономике работали в интересах государства, и таким образом, всех служащих того периода можно было бы условно считать государственными служащими. Однако советские служащие не имели публично-правового статуса, присущего чиновникам дореволюционной России (Нечипоренко, 2000: 32).

Наиболее точно советский управленческий аппарат описывается термином «*номенклатура*», а принцип формирования состава кадров государственных служащих - как *номенклатурный принцип*. Партийные инстанции самостоятельно формировали кадровый состав выборных органов, системы государственного и общественного управления, хозяйственных должностей. Номенклатура включала в себя перечень должностей в аппаратах всех видов партийных, государственных и общественных организаций. Понятие номенклатуры было неоднородным, различалось по социальным группам и уровням иерархии (например, номенклатура обкома КПСС, номенклатура ЦК КПСС и т.д.).

В контексте настоящей работы представляется важным определиться с соотношением понятий номенклатуры и государственной службы. К номенклатуре относятся все руководящие должности во всех органах власти и управления, предприятиях и организациях на вышеприведенной схеме. Мы относим всех их к государственным служащим. Также госслужащими можно обоснованно считать штатный персонал исполнительных органов (министерств и исполкомов всех уровней). Подобная система является отличительной характеристикой советской модели госслужбы.

Ценности названной модели состояли, на наш взгляд, в утверждении цели построения социалистического бесклассового общества. Приоритетом советской госслужбы было обеспечение выполнения политической программы партии во всех отраслях сферах деятельности. Организационно-правовые рамки этой модели периодически менялись, но сохранялось главное - стержнем всей системы государственного управления оставалось партийное руководство и система партийных ценностей.

Факт включения в номенклатуру говорил об удачной вертикальной карьере советского человека и давал некоторые льготы и преимущества, поэтому она стала притягивать карьеристов и приспособленцев. По мере сращивания партийной и ведомственной номенклатуры ротация кадров замедлялась, и центральная власть теряла контроль над кадровым корпусом министерств и ведомств. Ведомственность в сочетании с местничеством привела к образованию региональных элит, включавших в себя работников аппарата областных властных структур, вследствие чего возникли настоящие номенклатурные кланы. В итоге номенклатура превратилась в своего рода, правящий класс, «потомственное дворянство» формально бесклассового советского общества, что было хорошо описано исследователями новейшего периода (Мохов, 2005). Руководящий кадровый состав партии к середине 1980-х годов уже в целом не соответствовал необходимым требованиям социально - экономического развития. Просчеты в кадровой работе, приведшие к вырождению номенклатуры, были связаны, на наш взгляд, не с самим ее феноменом как таковым, а с несовершенством сформировавшихся принципов отбора в нее, что вызывало бюрократизацию. В результате к середине 1980-х годов одновременно существовали около 100 министерств и ведомств, всего управленческим трудом в стране занимались около 18 млн человек (Восленский, 1991: 85).

Становилась очевидной необходимость радикального совершенствования административно-управленческой системы и внедрения регулярной ротации кадров высшего эшелона власти. В апреле 1985 года была провозглашена концепция обновления советского общества, демократизации государственной власти. Возрастала потребность в разработке новой кадровой политики и формировании госслужащего непартийного типа. С началом внутрипартийного кризиса в середине 1980-х годов партийная модель в своем классическом виде разрушилась, и начался *четвертый переходный период* в развитии госслужбы, продолжающийся по сей день.

Для переходного периода свойственны кризис ценностей, неясность приоритетов развития госслужбы и противоречивый характер организационно-правовых рамок. В современном российском законодательстве смешиваются отечественные и заимствованные, современные и архаичные принципы работы с кадрами госслужбы, что указывает на отсутствие видения адекватной модели реформирования государственного аппарата. Для процессов реформирования госслужбы 1990-х и 2000-х гг. в целом характерны закрытость от общества, отсутствие организационного единства, противоречия федерального и регионального уровней, коррумпированность; значительное расхождение между заявленными приоритетами и реализованными мерами. Автор склонен связывать эти процессы ликвидацией системы партийного управления кадровой сферой при одновременном сохранении номенклатурных принципов кадровой работы.

Принципиальный вопрос о том, что должна представлять собой государственная служба новой России серьезно не ставился на политическом уровне, содержательные реформы подменялись кадровыми перестановками и реорганизациями, происходившими сначала под флагом борьбы с «тоталитарным» наследием, а потом для укрепления «вертикали власти». Таким образом, ни новых ценностей госслужбы, ни новых приоритетов, ни новых организационно-правовых рамок создано не было, поэтому до сих пор нельзя говорить о создании какой-либо новой самостоятельной модели госслужбы в России.

Вместе с тем, все попытки реформирования госслужбы логически взаимосвязаны, и каждая из них готовит почву для последующей. Поэтому можно надеяться на то, что предпринимаемые в последние годы меры по систематизации государственной службы увенчаются в конечном итоге созданием ее целостной системы, отвечающей современным требованиям общественного развития и базирующейся на достижениях прежних исторических моделей реформирования государственной службы в России.

Список литературы

Устав о пенсиях и единовременных пособиях. Высочайше утвержден 6 декабря 1827 г. // Свод законов Российской империи. Собр. 2. Т. 2. 1827. № 1592. СПб.: Типография Собственной ЕИВ Канцелярии.

Декрет ВЦИК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 12 ноября 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. М.: Госиздат.

Божья-Воля, А. А. (2012) Система оценки и стимулирование результативности деятельности государственных служащих: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М.: НИУ ВШЭ.

Верхотуров, Ю. И. (2003) Развитие российского законодательства о гражданской службе во второй половине XVII-XVIII вв. // Правоведение. № 6. С. 177-184;

Восленский, М. А. (1991) Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия.

Зайончковский, П. А. (1978) Российское самодержавие в конце XIX столетия. М.: Академия.

Ленин, В. И. (1969) Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции / Полн. собр. соч. Т. 33. М.:

Мохов, В. П. (2005) Номенклатура как политический институт в истории советского общества второй половины XX века // Управленческое консультирование. № 1. С. 94-111.

Нечипоренко, В. С. (2000) Государственная служба в условиях становления советского государства и опыт современности. Ч. 2. М.: РАГС.

- Риггс, Ф. (1995) Сравнительная оценка президентской формы правления // Сравнительная социология: Избранные переводы. М: ИНФРА.
- Словарь иностранных слов и выражений (1997) / Авт.-сост. Н.В.Трус, Т.Г.Шубина. Мн.: Литература.
- Eisenstadt, S. (1963) Les problemes de bureaucratie naissante dans les regions en development // Industrialisation et societe. S.L.
- Peters, B. G. (2008) Managing Horizontal Government. The Politics of Coordination // Public Administration. № 2. P. 11-30.

Борщевский Георгий Александрович – аспирант кафедры истории Московского гуманитарного университета
Borshchewski Georgi Alexandrovich – postgraduate student of the History Department of the Moscow University for the Humanities

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

**Классическая и современная западная философия.
Сущность различия и моменты преемственности.**

Тимохин Н. В.

**Classical and modern Western philosophy.
The essence of the differences and points of continuity.**
Timokhin N. V.

Аннотация: В данной статье рассматривается различие и преемственность двух традиций философствования на Западе. Первая – классическая, умозрительная, чисто рациональная; вторая – современная, более близкая к конкретному человеческому существованию (экзистенции). Проводится их сравнение, и предполагаются варианты их взаимодействия в контексте глобальных проблем.

Ключевые слова: классическая философия, современная философия, личность, экзистенция, масса, язык, понимание, глобализация, синергетика.

Abstract: This article is regarded differences and continuity of two traditions of Western philosophy. The first tradition is classical, speculative and purely rational; the second is modern, is more close to specific human existence. Here is held their comparison and assumed options of their reciprocity at the context of global problems.

Keywords: classical philosophy, modern philosophy, person, existence, mass, language, understanding, globalization, synergetic.

Для понимания происходящего в современной философии, отражающей глобальные проблемы, необходимо иметь в виду и её общую картину, и её отдельные составляющие, и истоки этих составляющих. Истоки же можно узнать только из истории философии.

Прошедшее XX столетие резко, масштабно и глубоко трансформировало всё мироощущение человека, изменило практически все духовные сферы – науку, искусство и, конечно, философию. В философии ослабла мыслительная линия, направленная на прогресс и гуманизм. Грандиозные абстрактные системы, отображавшие мировую гармонию и безостановочное поступательное развитие разума, резко разошлись с непосредственным мироощущением отдельного человеческого существа. И философия, определённая Гегелем как «современная ей эпоха, схваченная в мысли» (хотя и вопреки содержанию этой формулы, которое вкладывал непосредственно Гегель, но согласно этой формуле

самой по себе) стала переходить на позиции этого самого отдельного человека, давать взгляд на мир изнутри него, как существа чувствующего, страдающего и трагического. Также следует учесть фактор не просто отдельного человека, индивида, личности, а ещё конкретнее – фактор социального положения философа, как «работника духовного производства» (М.К. Мамардашвили). Изменение условий и механизмов производства философского знания лишь проявляются в истории философии, но непосредственно принадлежат истории самого общества. (Мамардашвили, Соловьёв, Швырёв, 1972. 28)

Начало всей классической философии, или начало философии вообще было положено вопросом о первооснове всего сущего. Первыми ответы на этот вопрос давали древнегреческие мыслители Милетской школы, которые полагали эту первооснову вещественной, материальной. Затем ответы становились всё более разнообразными, первооснова полагалась и нематериальной, полагалось, что основ у мироздания несколько и даже бесчисленное множество. Но сам этот вопрос остался неизменной сутью классической или, по-другому, умозрительной философии. В метафизике Новой Времени появилось ещё одно слово для обозначения той же первоосновы – *субстанция*. В связи с тем, что теория познания возобладала над онтологией, тот древний вопрос был скорректирован и задавался теперь о первооснове познания. В связи с такой постановкой основного вопроса мыслители разделились на тех, кто полагал истоком познания мышление, и тех, кто полагал таковым восприятие. Таков был исторический ход размышлений над основным вопросом философии.

Но умозрительная философия, погрузившись в поиски скрытой первоосновы, всеобщей сущности, оказалась неспособна понимать то, что есть непосредственно, единичное существование. В мироздании оставалось ещё нечто такое, что не встраивалось ни в какие системы, умозрительные конструкции, теоретические картины мира. Это был человек как неповторимая индивидуальность и творческое начало. Существование конкретного человека не выражается никакими формулами и схемами. Переключение внимания на личностное бытие и перечеркнуло метафизику с её древним основным вопросом. Согласно такому – экзистенциальному направлению философии, она отныне должна была походить не на науку, а на искусство, так как именно искусство выражает неповторимое индивидуальное видение мира. Такая сторона перерождения философии отражена в четверостишии русского поэта-философа Владимира Соловьёва:

Душевный опыт и история,
Коль не закроешь ты очей,
Тебя научат, что теория

Не так важна, как жизнь людей.

(Любутин, Пивоваров, 1994. 3)

Но это не было единственной причиной завершения классического периода западной философии. Умозрение отвергалось и с других сторон другими направлениями (например, позитивизм отвергал его с точки зрения методологии науки). Среди критериев разграничения есть и такой, как возрастание порядка рефлексии: если рефлексия первого порядка – это мышление о мышлении, о том, как оно устроено, то рефлексия следующего порядка – это мышление о том, почему мышление стало направлено на себя. В феноменологии в связи с этим было взято за основу чистое сознание.

Личность философа. Перерождение философской традиции имело свои истоки ещё в позапрошлом столетии. Эти истоки заключались в том, что начало отрицаться всемогущество разума. Однако на фоне той эпохи, в которой однозначно преобладал оптимизм, связанный с социальным и техническим прогрессом, не получили распространения воззрения иррационалистов – Артура Шопенгауэра, Сёрена Кьеркегора и Фридриха Ницше. Влияние их воззрений возросло только тогда, когда им стала соответствовать непосредственно окружающая мыслящего человека реальность, что выражалось, главным образом, в грандиозных социальных катаклизмах, и когда этот мыслящий человек утратил «привилегированное положение наблюдателя» (М.К.Мамардашвили). Истинно мыслящий человек утратил созерцательное спокойствие, переориентировал свой ум с абстрактного мышления на включение в непосредственно окружающую его реальность. Но это включение, тем не менее, должно было сохранять специфику личности философа, должно было быть философским. Человек, а в особенной степени – мыслитель приобрёл такие свойства мироощущения как страх, заброшенность, отсутствие чётких и надёжных ориентиров. Ему понадобился свой собственный «проект», проецирование себя, как способ выйти за пределы бытия данного момента, пугающего своей абсурдностью. Осуществление же проекта требует отнюдь не одного лишь только чистого разума, но в гораздо большей степени – воли, решимости, оттого основоположник экзистенциализма Мартин Хайдеггер сравнил осуществление личностного бытия с прыжком в неизведанное.

Теперь мы подошли к проблеме неприятия философии массовым сознанием. Особенности включения философа в окружающую хаотичную действительность, энтропию, состоит в том, что он противится этой обезличивающей энтропии. Обыденный выбор в ситуации планетарной энтропии, каковой является глобализация, состоит в отказе от подлинно личностного бытия, растворении себя, то есть своих мыслей, чувств, восприятий и переживаний в массе. Мыслящий же человек не

может оставаться мыслящим и духовным существом, не сохраняя уникальность своей личности, в частности, не отображая в своих рассуждениях этапов своего жизненного пути. Таким образом, он отрицает избираемый большинством лёгкий путь, и в результате, контактируя с этим большинством ему становится сложнее. Дополнительная сложность в осуществлении проекта себя происходит от наличествующего в той реальности, куда направлен проект, массового сознания. И данная ситуация была предвидена Шопенгауэром, утверждавшим, что чем более развит интеллект, тем изощрённее мучения, а гений страдает сильнее всех.

Экзистенция как существование, как предельно личностное бытие, в классической философии не представляла самостоятельного вопроса, считавшись чем-то акцидентальным, произведённым. Конечно, чтобы выстраивать философские системы, нужно было быть личностью, но личность должна была быть сформирована отдельно, до всякого философствования, чтобы не вмешиваться в него, не нарушать объективность умозрительных построений.

Язык, сознание и личность. Классический новоевропейский рационализм не выделял проблему языка в особую дисциплину. Для него язык был воедино слит с мышлением и даже в случае рассмотрения вопросов семантики (как, например, у Гоббса), это делалось в свете либо теории познания, либо логики. Всё станет предельно ясно, если вспомнить основополагающую идею философии Гегеля – идею о тождестве бытия и мышления. При таком апогее рационализма, при данном спекулятивном панлогизме делалось уже совсем незначительным то, что лежало между бытием и мышлением, что их связывало – язык. Однако, в сферах менее абстрактных, в народном сознании всегда ощущалась особая сила воздействия языка, его способность влиять на человеческое мироощущение, мировосприятие, межличностные отношения, что отразилось во множестве пословиц и поговорок.

Кризис классической новоевропейской философии оказался связан именно с её высокой абстрактностью, умозрительностью, оторванностью мыслителя от непосредственно окружающего, ближайшего бытия. Переход же от философской классики к современности ознаменовался тем, что в качестве самостоятельных философских проблем выделились три явления – *язык, сознание и личность*. Таким образом, вследствие возрастания порядка философской рефлексии акцент сместился на более близкие к человеку области бытия.

Первым философским направлением, занявшимся разработкой проблем семантики и при этом открыто объявившим о своей враждебности метафизике был неопозитивизм. Все проблемы классической философии (первооснова всего сущего, «вещь-в-себе» и прочее) были

объявлены псевдопроблемами, которые из науки требуется изъять, как препятствия на пути к действенному познанию и преобразованию мира. Для распознавания метафизических, т. е. ложных проблем, как раз и использовался строгий логический анализ языка, к которому неопозитивисты свели просто всю задачу философии. Всё воздействие на умы метафизики, которой отказывалось в праве на существование, связывалось именно с языком – категориальным аппаратом и словесными конструкциями.

Современному обществу не хватает понимания, не только в смысле обыденных, бытовых межличностных отношений, но и в смысле межкультурных, межэтнических, межконфессиональных диалогов, политического и технологического взаимодействия. Понимание – духовная ценность. Оно представляет ценность во всех сферах человеческого духа. В осуществлении этой ценности объединяются язык и экзистенция.

Преемственность философских традиций. Можно ли упрекнуть неклассическую философскую традицию в том, что она утратила исконную ориентированность философии на бесконечность, необъятный космос? А вот и нет, такой упрек будет неправомерен! Произошло только лишь переключение с макрокосмоса на микрокосмос, а последний так же бесконечен и неисчерпаем, как и первый. Потому что это – то же мироздание, но только отражённое и сфокусированное внутри отдельного человека, личности и окрашенное неповторимыми свойствами и судьбой этой личности. Различие людей по степени духовности – разговор отдельный, здесь же мы говорим о тех людях, которые действительно стремятся постичь истину своего бытия или бытия мира.

Вот и выделились два свойства философии, которые стирают грань между классикой и неклассикой и все прочие водоразделы внутри неё. Первое – это удовлетворение изначального стремления человека к истине, которая входит в триаду – Истина, Добро и Красота -- провозглашённую Платоном. Второе – направленность этого поиска на бесконечность, макро- или микрокосмос, выражающее стремление человека выходить за пределы непосредственной данности. Таковы свойства философии, сохранившиеся в неизменном виде из самой глубины веков, от Фалеса. Эти свойства, если поразмыслить, можно распространить даже на постмодернистскую философию. Ведь «официальный» отказ постмодернистов от поиска идеалов Истины и прочего являются результатом того, что этот поиск изначально предпринимался! А отрицательный результат – тоже результат!

Две рассмотренные философские традиции являют нам два варианта объединения воззрений, подведения итогов философии – синтез и эклектика. В гегелевском синтезе какая-либо из предшествующих фи-

лософских систем предстаёт в усовершенствованном виде, или в «снятом» виде, т.е. не выступая сама по себе, но подразумеваясь как встроенная. В постмодернистской эклектике отдельные воззрения, не сплавляясь, выступают как разрозненные куски мышления, выражение того или иного воззрения определяется выгодой в конкретной ситуации. А возможно ли в каком-нибудь виде соединение классической и неклассической философских традиций?

В научном мире появилось такое движение как синергетика. Она изучает законы саморазвития каких-либо систем. Самый ответственный момент в их развитии – состояние неустойчивого равновесия, когда всё решает воздействие извне. Если же в виде развивающейся системы представить сосуществование философских взглядов, где корректировка одного взгляда влияет на другие особым образом, не сплавляясь, то для этой системы когда-то понадобится воздействие извне – извне философского мышления. Какое-либо весомое событие в социальной, политической, экономической, культурной сфере может выделить, задействовать какое-либо философское воззрение и повести в его направлении другие воззрения. Таково наше предположение о возрождённом единстве философии.

При всех своих издержках – иррационализм, пессимизм, агностицизм и пр. -- неклассическая философская традиция всё же подошла к некой истине о мире, по крайней мере – о мире людей. *Эта истина состоит в том, что мир неоднозначен, что его невозможно подвести под какую-то единую схему познания и развития.*¹ Неклассическая философия провозглашает многообразие и неоднозначность мира.

В современную эпоху, называемую эпохой глобализации, явление понимания носит многогранный характер, не связывается с одной только логикой. Понимание – это принятие внутри одним личностным бытием другого личностного бытия, принятие посредством не только логического мышления, но и чувств, воли, творческих способностей – всего того, что выражается в языке. Именно такое понимание и нужно в эпоху взаимодействия различных культур, этносов, технологических укладов, чтобы вместо хаотического обезличенного смешения человеческий мир явил собой духовное единство.

Список литературы:

Любутин К.Н., Пивоваров Д.В.(1993) Диалектика субъекта и объекта, Екатеринбург:

¹ Недаром после перерождения философии единственной наследницей классики объявляла себя марксистская философия – та самая, которая была запущена в политику в нашей стране и провозглашала единый для всех стран и народов путь в светлое будущее.

Мамардашвили М.К., Соловьёв Э. Ю., Швырёв В.С. (1972) Классика и современность. Две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. М.:

Тимохин Николай Валерьевич – аспирант кафедры философии, политологии и культурологии Московского Гуманитарного Университета.
Timokhin Nicolay Valeryevich – postgraduate student of Philosophy, Cultural Studies and Political Science Department of Moscow University for Humanity.

**Анализ и критическая оценка реформы образования в России
Белогурова В.А.**

**Analysis and critical assessment of the education reform in Russia
Belogurova V.A.**

Аннотация: в статье приведен анализ и критическая оценка реформы образования в медицинских учебных заведениях за последние 35 лет. Отмечены недостатки и проблемы, требующие решения на научной основе; даны методические рекомендации для выполнения этой работы.

Ключевые слова: модель специалиста, квалификационная характеристика, учебно-методический комплекс, федеральный государственный образовательный стандарт.

Abstract: This article provides an analysis and critical assessment of the education reform in medical schools over the past 35 years. In it are marked the deficiencies and problems to be solved on a scientific basis, are given the guidelines for this work.

Keywords: model of a specialist, qualification characteristics, training complex, the federal state educational standards.

Не секрет, что реформа образования в России буксует еще со времен существования СССР. Вопрос – почему? Ведь педагогическая наука имеет мощную теоретическую базу; в школах работают специалисты с высшим педагогическим образованием; накоплен обширный педагогический опыт не только в школьном, но и в профессиональном образовании. Наше образование считалось лучшим в мире. Но жизнь идет, появляются новые проблемы во всех сферах, в том числе и в образовании. Однако разработчики реформы, видимо, не учитывают какие-то важные закономерности в организации и совершенствовании всей *системы* образования в стране.

В результате многое из того, что за последние 35 лет органы управления образованием пытались делать для совершенствования учебно-воспитательного процесса, например, в профессиональном образовании, не было доведено до конца. Так, в середине 70-х годов прошлого века по требованию Министерства высшего и среднего специального образования СССР головные вузы разработали *модели специалистов*. В конце 70-х годов на их основе преподавателями 1 ММИ им. И.М. Сеченова были созданы первые *квалификационные характеристики* (КХ) специалистов-выпускников – врачей и провизоров. Они были утверждены в 1980 году (Белогурова, 2003: 32-33). К сожалению, КХ не были включены в систему

нормативных учебно-методических документов и остались формальными документами.

В 1982 году потребовали создавать *учебно-методические комплексы* (УМК). Преподаватели сделали огромную работу, но через 5 лет, когда все, наконец, было готово, эти требования почему-то отменили специальным приказом Минобразования СССР (Приказ № 751, 1987 г.). В настоящее время снова возвратились к этой идее.

1989 год – требование разработать *КХ нового поколения*. Все было сделано методически грамотно. Рабочая группа преподавателей трех медицинских вузов г. Москвы разработала КХ по 5-ти специальностям здравоохранения (Белогурова, 2003: 155-167). Экспертный совет Минобразования рекомендовал эти КХ к утверждению после создания фондов комплексных квалификационных заданий для проверки реализации требований КХ (Приказ Государственного комитета СССР по народному образованию № 623 от 31.07.89 г.) Но о них словно забыли.

В 1992 году появился Закон «Об образовании». В нем нет речи о КХ, но есть новое понятие – «государственный образовательный стандарт» (ГОС), который должен включать «обязательный минимум содержания основных образовательных программ, максимальный объем учебной нагрузки обучающихся, требования к уровню подготовки выпускников». Значит, главное в подготовке специалистов – *минимум содержания программ*. Почему же для разработки этих документов не использовали КХ нового поколения, как конечные цели обучения и не разработали интегрированные цели обучения всех дисциплин по специальностям? В 1995 году ГОС по всем специальностям высшего образования утвердили, но они не были пригодны для организации учебного процесса. Как известно, любой государственный стандарт включает конкретные требования к качеству продукции (в нашем случае – к выпускнику). Что мы имеем в ГОС *первого поколения*? Например, в ГОС по специальности «Лечебное дело» записано: «Общие требования к образованности специалиста: *применяет* целостные представления о процессах и явлениях ..., *участвует* в формировании демократического правового государства ..., *применяет* современные методы научного познания ..., *использует* знания ..., *применяет* знания ...». Ничего конкретного. Все это не отвечает современным психолого-педагогическим требованиям к формулировкам целей. Такие цели неоднозначны для понимания и недиагностичны, их невозможно проверить (Белогурова, 2010: 213-215). Значит, это опять формальные документы. И как можно при этом обеспечить объективную оценку уровня подготовки, как организовать учебно-воспитательный процесс?

Второе поколение ГОС появилось в 2000 году. К сожалению, мало что изменилось. По ним совершенствовать учебный процесс тоже невозможно. Цели по специальности представлены не полностью. Целей обуче-

ния по дисциплинам нет, но опять есть минимум программных вопросов, в ряде случаев сведенных до 1,5-2-х строк. Снова формальные документы (Белогурова, 2010: 201).

Третье поколение ГОС наконец утвердили. Все говорят об инновациях, о модульно-компетентностном подходе как о чем-то принципиально новом и разумном. В Первом МГМУ им. И.М. Сеченова этот подход внедряется уже более 35-ти лет, но с другими терминами. В конце 70-х годов прошлого века, в 1 ММИ им. И.М. Сеченова была развернута большая и серьезная работа по реорганизации учебно-воспитательного процесса на основе современных психолого-педагогических требований: преподаватели были обучены основам педагогики, был разработан педагогический стандарт обучения – единая методическая система (ЕМС) института (Каган, Галатенко, Полтева, 1975), в учебный процесс стали внедряться системный, деятельностный, инвариантный подходы, целенаправленность обучения на конкретный результат, написание учебной литературы нового типа (с учетом деятельности и активной самостоятельной работы студентов) и т.д. На этом опыте при повышении квалификации учились преподаватели всех медицинских вузов СССР.

Прошло 35 лет и преподавателей вузов снова призывают к методике обучения, ориентированного на *конечный результат*. Это преподносится как инновация. *Модульно-компетентностный подход* – тоже как инновация. Но такая, по сути, программа нами была разработана по заданию Минздрава РФ еще в 1998 году («Сквозная программа экономического образования врача на додипломном этапе его подготовки») (Белогурова В.А. 2003, 253-262). Конечно, там нет новых терминов (модули, компетенции), но суть та же (с темами, разделами, обобщенными умениями и знаниями). В ней четко сформулированы результаты обучения по проблеме в целом, а затем – по частям, разделам и темам в виде системы.

В 2003 году Россия присоединилась к Болонскому процессу, чтобы добиться признания российских высших учебных заведений за рубежом и конвертируемости дипломов выпускников российских вузов. В России уже идет процесс реализации основных принципов, разработанных в рамках Болонского процесса: принят законодательный акт о переходе вузов на многоуровневую систему обучения, взят курс на внедрение переводных зачетных единиц, на реализацию модульно-компетентностного подхода. На основе этого подхода разработаны федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС). Они уже внедряются в учебный процесс, но компетенции как требования к конечному результату обучения снова не отвечают современным психолого-педагогическим требованиям. Они недиагностичны. К ФГОС нужны новые программы дисциплин, учебные планы, новое учебно-методическое обеспечение. Опережая события, сотрудники УМО МФО уже были озадачены разработкой *примерных и ву-*

зовских программ, ориентированных на ФГОС, которые еще не были утверждены.

В школьном образовании похожие проблемы. В 2008 году опубликованы «Примерные программы начального общего образования», а в 2009 году опубликован ФГОС и отрицательные заключения рабочих групп по анализу и критической оценке качества этого документа (Понкин, 2009).

В 2008 году появился новый проект: «Российское образование 2020: модель экономики, основанной на знаниях». Разработчики этого документа выделяют три основных причины неудач системных воздействий: игнорирование интересов субъектов, недостаточное ресурсное обеспечение, неэффективность управления изменениями. А может быть, главная причина неудач проводимых реформ образования в том, что не соблюдаются *принципы обучения, принципы и методы воспитания*, т.е. нет опоры на теорию (а практика без теории слепа, как известно)?

Во-первых, нет *системности* в организации и методическом обеспечении учебно-воспитательного процесса. Об этом изложено выше. Нельзя реформировать часть системы, как нельзя лечить болезнь, надо лечить больного. Ведь *система – это совокупность компонентов, взаимосвязанное функционирование которых направлено на решение общей для них задачи*. (Белогурова, 2010: 231).

Компоненты системы: дошкольные учреждения, общеобразовательные школы, лицеи, гимназии, средние и высшие профессиональные учебные заведения на до- и последипломном этапах образования. Каждый предыдущий компонент должен готовить базу для последующего. Все компоненты должны работать согласованно, как единое целое, возглавляемое министром образования. Каждый шаг реорганизации должен соотноситься со всей системой, а не автономно, индивидуально (для школы, училища, вуза).

Во-вторых, образование должно быть *целенаправленным*. Нужно четко определить цели общего для всех базового образования (школа), общего профессионального образования (начального, среднего, высшего) и цели повышения квалификации с учетом сегодняшних реалий. Нужно разработать *систему целей обучения и воспитания* на весь период непрерывного образования по всем отраслям.

В-третьих, не внедряется *деятельностный подход*, когда знания усваиваются не через запоминание, когда требуют *не пересказ информации, знаний*, а требуют и проверяют *деятельность* моторную, сенсорную и умственную (решение задач и проблем, анализ и критическая оценка уже решенных задач и проблем с полным теоретическим и нормативным обоснованием на основе полученных знаний; составление самими обучаемыми похожих задач с решением, самостоятельное формулирование проблем и поиск путей их решения и т.д.). Правда, некоторые преподаватели могут

возразить: есть деятельность в обучении. Да, есть и она даже проверяется на итоговой государственной аттестации. Но тестовый экзамен – это же проверка памяти (судя по заданиям). Конечно же, тестовые задания нужны для полноты контроля и оперативности его проведения. Но они должны быть на использование мышления, проведение различных умственных операций, но не по памяти, а с использованием любой литературы, как это предлагалось при внедрении КХ нового поколения (Приказ Минобразования СССР № 25, 1989 г.).

В-четвертых, необходимо пересмотреть учебные программы и выделить в них главное, основное (инварианты знаний и умений), научить, как этим пользоваться при решении задач и проблем для выполнения профессиональной и иной деятельности.

Ни один из приведенных принципов дидактики в настоящее время в образовании по существу не работает, если не считать отдельных маячков (школ, училищ, вузов). Остальные принципы обучения, все принципы и методы воспитания тоже едины для всех этапов обучения, хотя в чем-то могут иметь свою специфику (Белогурова, 2010: 200-202).

Некоторые замечания к организации *непрерывного образования*. Здесь надо разработать систему целей для всех ее компонентов: дошкольное, школьное, профессиональное до- и последипломное. Наибольшую трудность составляет школьное образование. Логика системного подхода к обучению и опыт работы подсказывают, что цели обучения в школе должны подготовить школьника к жизни, к выбору профессии, значит, они должны включать конкретные виды деятельности (что-то мастерить, строить, шить и т.д.) и решение задач, связанных с бытовыми, общественными, политическими, гражданскими и др. проблемами. Полный перечень должны определить специалисты по школьному образованию.

Не менее сложная проблема у *последипломного образования* (интернаттура, специализация). Казалось бы, додипломное образование (общеобразовательная подготовка) – это базис и к нему надо добавить новый уровень умений и для них знаний. К сожалению, очень часто идет дублирование или цели неконкретны и недиагностичны. Их нельзя проверить. А как же к ним двигаться в учебном процессе? (Белогурова, 2010: 213-215).

Надо уделить серьезное внимание методике проведения занятий со слушателями ФПК. Да, пока что они *слушатели*, а не учащиеся. Они слушают в основном лекции, пишут какие-то рефераты. Что это дает? Новую информацию надо осмыслить в *деятельности, в решении задач и проблем*. Только так она станет рабочим материалом.

Теперь нам предлагают новую модель образования без обоснования недостатков в предыдущей модели, чем она нас не устраивает? Вначале надо *методику обучения и воспитания поставить на научную основу во всей системе непрерывного образования (дошкольное, школьное, довузов-*

ское профессиональное, вузовское и послевузовское) и уж затем делать нововведения. Для этого необходим критический анализ методик обучения и воспитания на всех этапах образования и их оценка на соответствие требованиям педагогики и психологии: соблюдаются ли принципы обучения, принципы и методы воспитания, есть ли система целей обучения и воспитания, ориентированы ли на эти цели вопросы программ, формы и методы обучения, способны ли преподаватели к научной организации учебно-воспитательного процесса? Без ревизии существующего положения, без разработки новой *системы* образования любые инновации будут бесплодны.

Судя по материалам новой модели образования (2020), до рыночных отношений наше образование удовлетворяло требованиям того времени. Тогда почему мы за норму принимаем зарубежный опыт? Роль преподавателя на всех этапах образования резко меняется; она будет сведена к консультациям и направлению самостоятельной работы, т.е. студентов обучать больше не будут, они будут сами себя обучать. Результат самоучек легко себе представить. Далее - будет уделено внимание талантливым учащимся, их будут обучать отдельно. Кто и как будет их выявлять? По какой методике их надо обучать? Ведь новое и для очень способного человека – новое и освоение требует немалого труда.

Согласно той модели, новый преподаватель сможет работать в нескольких местах и это приветствуется. Педагог-практик знает, что это возможно только при *формальном* подходе к выполнению своих обязанностей, при желании больше заработать денег или самоутвердиться. По новой модели система образования будет открыта для СМИ, коммерческих фирм, НИИ, общественных организаций. А педагогический профессионализм не нужен?

Необходимость реформ давно назрела. Но реформы должны опираться на современные психолого-педагогические требования к учебно-воспитательному процессу, на разумное использование накопленного опыта в образовании и традиций российских школ. Инновации в образовании должны быть научно обоснованными, понятными, доступными и давать лучший результат в сравнении с тем, что имеем и экономически выгодными.

Список литературы

- Белогурова В.А. (2003) Научная организация учебного процесса: учебное пособие. М.:
- Белогурова В.А. (2010) Научная организация учебного процесса: учебное пособие. 3-е изд. М.:

Каган В.И., Галатенко Н.А., Полтева Н.С. (1975) Психолого-педагогические основы учебно-методической работы в медицинском вузе. М.:

Понкин И.В. (2009). А король-то голый! О вредных и не выдерживающих критики проектах федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования. М.:

Примерные программы начального образования (2008). Часть 1. М.:

Белогурова Валентина Андреевна – кандидат фармацевтических наук, доцент, ведущий научный сотрудник по проблемам научной организации учебного процесса Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова.

Belogurova Valentina Andreyevna – Candidate of Science (Pharmacology), senior researcher on the scientific organization of the educational process of the First Moscow State Medical I.M. Sechenov University.

**Современные представления о предпосылках личностного роста в
психологии**

Чаров М.О.

**Modern representations about the premises of personal growth in
psychology**

Charov M.O.

Аннотация: В статье рассматриваются различные теоретические позиции на личностный рост. Личностный рост рассматривается как приобретение большей психологической зрелости личности, как качественное изменение личности.

Ключевые слова: личность, личностный рост, самоактуализация, биофилия, активация.

Abstract: The article considers various theoretical positions on personal growth. Personal growth is considered as the acquisition of greater psychological maturity of a person, as a qualitative change of identity.

Keywords: personality, personal growth, self-fulfillment, biophilia, activation.

В отечественной психологии проблематика личностного роста не являлась широко распространенной темой научных интересов большинства ученых. Исследователи, которые, так или иначе, коснулись этой проблемы, должны были четко следовать руслу идеологии, поэтому без сомнения, беспристрастный анализ и критика зарубежной психологии были идеологически невозможны. Несмотря на то, что теории личности в отечественной психологии заслуживают всестороннего, пристального внимания, ввиду точности положений и формулировок, разработанности тех или иных проблем. Практический опыт отечественных психологов на уровне решения личностных проблем был не велик по той же причине.

После снятия идеологических запретов диалог по данной тематике не состоялся уже ввиду других причин, в том числе экономического и политического характера. Поэтому в данной статье будет рассмотрено в основном понимание личностного роста на основе публикаций зарубежных авторов.

«Уже в 1734 г. Х.Вольф дал дефиницию личности (Personlichkeit) следующим образом: “То, что сохраняет воспоминания о самом себе и воспринимает себя, как одного и того же и раньше, и теперь”. Эту традицию понимания личности продолжил У.Джемс, который трактовал личность, как сумму всего, что человек может назвать своим. В этих определениях понятие личности становится тождественным понятию самосознания, поэтому более обосновано определение личности через социальные

взаимоотношения. При таком подходе личность предстает как система социального поведения индивида» (Кондаков, 2000: Электр. ресурс).

Т.к. за скобками остаются неосознаваемые процессы, мы не можем удовлетвориться таким определением и не можем согласиться, что лишь (и только) социальные взаимоотношения могут и определяют личность полностью. Обзор литературы приводит нас к огромному количеству определений понятия «личность».

«Личность, в отечественной психологии понимается как: 1) субъект социальных отношений и сознательной деятельности, носитель психосоциальных свойств человека; 2) системное качество индивида, формирующееся в совместной деятельности и общении. В зарубежной психологии личность, как правило, определяется на основе частных эмпирических представлений, развиваемых в рамках той или иной теории личности» (Ренан, 2002: 25).

Заслуживает внимание, на наш взгляд данное определение личности: «личность — сам индивид как активный субъект социальных отношений и целенаправленной деятельностной активности, а также системное качество индивида, обусловленное его осознанной активностью в системе социальных связей и складывающееся в условиях взаимодействия и общения. Историки психологии многократно подчеркивали, что понятие «личность», имея в рамках психологической науки базово-категориальный статус, трактовалось в теоретических построениях разных научных школ и направлений принципиально по-разному. Так, например, А. В. Петровский, отмечая неоднозначность понимания психологической сущности личности многочисленными ее исследователями и прослеживая историческую траекторию научного продвижения в изучении психологического содержания этого понятия, отмечал: «в “гормической психологии” (В. Мак-Даугалл), в психоанализе (З. Фрейд, А. Адлер) личность трактовалась как ансамбль иррациональных бессознательных влечений. Бихевиоризм фактически снимал проблему личности, которой не оставалось места в механистической системе “С-Р” (“стимул — реакция”). Весьма продуктивные в плане конкретных методических решений концепции К. Левина, А. Маслоу, Г. Олпорта, К. Роджерса обнаруживают определенную ограниченность, которая проявляется в физикализме, переносе механики на анализ проявлений личности (К. Левин), в индетерминизме в “гуманистической психологии” и экзистенциализме. Заметны успехи западной эмпирической психологии в области психотерапии личности, тренинга общения и т. д.» (Кондратьев, Ильин, 2007: 198).

«В концепции А.В.Петровского тип развития личности определяется через тип группы, в которую она включена и в которой она интегрирована; собственно личностная активность представляет собой стремление выйти

за пределы привычного и действовать за границами требований ситуации или ролей» (Кондаков, 2000: Электр. ресурс).

Такой подход к личности непосредственно подразумевает совершенствование, рост личности, что синонимично в целом пониманию термина в гуманистической психологии. Мы не будем рассматривать теории личности непосредственно и обойдем большинство, т.к. перед нами стоит задача раскрыть феномен личностного роста.

Каждая теория личности рассматривает личность со своей, особой точки зрения, даже если это теории личности одного направления, конечно имея много общих положений и точек соприкосновений, можно попытаться свести все ценные положения к единому знаменателю. Но, что касается проблемы личностного роста, то не во всех теориях личности этому понятию есть место, что дополнительно затрудняет такую категоризацию (к примеру, бихевиоризм, психоанализ).

Очень верным, хотя недостаточно точным, нам представляется подход Т. М. Буякаса: «Л. - это человек, вставший на путь самоопределения, преодолевающий потребность искать опору во внешней поддержке. У Л. появляется способность полностью опираться на себя, делать самостоятельный выбор, занимать свою позицию, быть открытой и готовой к любым новым поворотам своего жизненного пути. Л. перестает зависеть от внешних оценок, доверяет себе, находит внутреннюю поддержку в самой себе. Она свободна. Никакое описание Л. не м. б. исчерпывающим» (Мещеряков, Зинченко, 2003: 241).

Буякас подчеркивает самоактивность личности, внутренние ее ресурсы, тот же акцент делают в определении личности и представители гуманистической психологии.

Несмотря на недостатки концепций психологов, причисляемых к «третьей силе» нам важно будет рассмотреть именно их взгляд на личностный рост. Т.к. многие другие не прорабатывали данную проблему с такой тщательностью и вовлеченностью, хотя бы из-за того, что сам термин напрямую связан с гуманистической психологией и был впервые использован именно в русле этого направления.

По К.Роджерсу каждый человек потенциально способен к личностному росту. В определенных условиях данная возможность актуализируется. Актуализации потенции к зрелости подразумевает необходимость перестроить себя, свою жизнь, свое мировоззрение. Роджерс подразумевает это под такими понятиями как тенденция к росту, самоактуализация, движение вперед и это триггер личностного роста (Роджерс, 1994: 36).

Наличие у любого человека тенденции к зрелости может привести его к личностному росту. Таким образом, у нас складывается схема развертывания процесса личностного роста, на первом этапе которого тенденция актуализируется в стремлении решить внутренний конфликт личности. На

втором этапе происходит решение конфликта и тем самым изменение личности, причем в сторону большей психологически зрелой.

Более того, Роджерс, постулирует что: «Это стремление, которое присутствует во всей органической и человеческой жизни, – распространяться, расширяться, становиться независимым, развиваться, зреть – тенденция проявлять и задействовать все возможности организма до такой степени, чтобы они усиливали организм или “Я”» (Роджерс, 1994: 40).

Тенденция является универсальной и присуща живому вообще, но у человека данная тенденция принимает форму роста уже не связанного с непосредственным развитием организма.

Это подтверждается активационной теорией Фиске и Мадди. Эти исследователи оперируют понятием активации - это «состояние возбуждения определенного мозгового центра» или они «имеют в виду общий уровень активизации организма» под этим понятием. Они «...объясняют психологический рост на основании выражения тенденции ядра, а, не просто рассматривая его как составную часть самой этой тенденции» (Мадди, 2002: 123).

А.Маслоу постулирует невозможность разобраться в человеке, если не рассматривать высшие устремления личности. Кроме того, он предлагает к употреблению, как синонимичные по значению такие термины как «личностный рост», «самоактуализация», «стремление к здоровью», «поиск себя и своего места в мире», «потребность в совершенстве» и любые другие подходящие по смыслу устремленности человека «ввысь» (Маслоу, 1999: 65).

Обозначая возможность универсальности личностного роста, и другие схожие по значению понятия Маслоу, по сути, встает на позицию приведенных выше ученых.

Продолжая данную тему, он утверждает, что: «...принадлежность к роду человеческому *ipso facto* дает человеку право дочеловечиваться, то есть воплощать в действительность все потенциально присущие ему человеческие возможности. Человечность как принадлежность к человечеству должна определяться не только в терминах бытия, но и в терминах становления. Мало родиться человеком, нужно стать им» (Маслоу, 1999: 12).

«В любом случае, о какой бы возрастной категории мы ни говорили, я считаю, что с точки зрения психологической стратегии было бы полезно различать понятия зрелости, дочеловечивания, самоактуализации, с одной стороны, и понятие здоровья – с другой. Здоровье разумнее было бы трактовать как “развитие и движение в сторону самоактуализации”: в такой трактовке концепция здоровья наполняется особым смыслом и становится вполне доступной для научного изучения» (Маслоу, 1999: 15).

Как мы видим из приведенных цитат Маслоу, ученый не сильно различает понятия «дочеловечивание», «самоактуализация», «личностный

рост».

Э. Фромм, оперируя понятиями «некрофилия» и «биофилия», вводит термины «синдром распада» и «синдром роста». Он пишет о биофилии: «Биофилия подразумевает тенденцию жить, причем данная тенденция присуща любому живому организму» (Фромм, 2010: 49).

Данная позиция согласуется с позициями Роджерса и Маслоу, еще больше, если учесть, что Фромм также замечает: «Эту тенденцию жить мы наблюдаем у любой живой субстанции вокруг нас: у травы, которая сквозь камни ищет свой путь к свету и жизни, у животного, которое борется до последнего, чтобы избежать смерти, у человека, который делает почти все, чтобы сохранить себе жизнь» (Фромм, 2010: 61).

Еще больше точности вносит дальнейшее изложение его взглядов о биофилии: «Тенденция к сохранению жизни и борьбе против смерти является элементарнейшей формой биофильного ориентирования и присуща любой живой материи. До тех пор, пока речь идет о тенденции сохранить жизнь и бороться против смерти, она представляет собой лишь один аспект стремления к жизни. Другой аспект, более позитивный, состоит в том, что живая субстанция имеет тенденцию к интеграции и объединению; она обнаруживает тенденцию объединяться и расти соответственно структуре. Объединение и совместный рост характерны для всех процессов жизни, причем это имеет отношение не только к клеткам, но также и к мышлению, чувствам.

Продуктивное ориентирование является полным развитием биофилии. Кто любит жизнь, тот чувствует свое влечение к процессу жизни и роста во всех сферах. Для него лучше создать заново, чем сохранять» (Фромм, 2010: 63).

Само по себе здоровье личности, а также врожденные тенденции к поддержанию и развитию жизни не могут быть больше, чем предпосылкой для личностного роста, плацдармом для его развертывания. По Роджерсу, Маслоу, Фромму такой плацдарм это – врожденная тенденция (потенциальная возможность, зачастую встречающая препятствия для воплощения в жизнь), а по Фиске и Мадди, личностный рост – это сама по себе активность человека необходимая для поддержания его комфортного существования. Но из этого понимания можно вывести существенные различия позиций Роджерса, Маслоу, Фромма с одной стороны и Фиске и Мадди с другой.

На основе вышеизложенного, мы можем заключить, что личностный рост – это не любое изменение, которое происходит ради поддержания необходимого характерного уровня активации (увеличения, или снижения активации), а только то, которое способствует приобретению большей психологической зрелости, в чем согласны Роджерс, Маслоу, Фромм.

Список литературы:

- Кондаков И. М. (2000) Психологический словарь. // Национальная психологическая энциклопедия. <http://vocabulary.ru/dictionary/478/word/lichnost> (дата обращения 20. 01. 2013).
- Кондратьев М. Ю. Ильин В. А. (2007) Азбука социального психолога-практика. М.: ПЕР СЭ.
- Мадди С. (2002) Теории личности: сравнительный анализ. Р.: Речь.
- Маслоу А. (1999) Мотивация и личность. СПб.: Евразия.
- Мещеряков Б. Г., Зинченко, В. П. (2003) Большой психологический словарь. М.: Прайм-Еврознак.
- Реан А. А. (2002) Психология человека от рождения до смерти. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002.
- Роджерс К. (1994) Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс.
- Фромм Э (2010) Душа человека. М.: АСТ.

Чаров Михаил Олегович, аспирант кафедры общей психологии и истории психологии Московского гуманитарного университета.

Charov Mikhail Olegovich, postgraduate student of the Department of General psychology and History of psychology Moscow University for the Humanities.

**Об одном из подходов к исследованию кредита
с правовой точки зрения**

Агафонов И.С.

**On one of the approaches to research credit in the eye of law
Agafonov I.S.**

Аннотация: Вопрос о сущности кредита, как правовой категории, является дискуссионным в юридической литературе. Поэтому автор исследует кредит на основе методов теории систем и обосновывает на этой основе его определение.

Ключевые слова: Сущность кредита, правовая категория, теории систем, модель экономической системы, производство, кредит в узком смысле, кредит в широком смысле.

Annotation: The essence of credit as a legal category is open to question in legal literature. Therefore, the author researches credit on the basis of the system theory methods and give its definition by means of such methods.

Keywords: the essence of credit, legal category, systems theory, economic system method, production, credit in its narrow meaning, credit in a broad meaning.

Вопрос о сущности кредита, как правовой категории, является дискуссионным в юридической литературе. На наш взгляд, необходима выработка единого для права и экономики понятия кредита, что позволит решить задачи установления единообразной правоприменительной практики. Изучение широкого круга источников по данной тематике позволило автору статьи обосновать точку зрения о том, что исследования кредита в рамках правовой системы должно проводиться на основе методов: экономики, права и теории систем.

Из теории систем известно, что процесс познания любого явления связан со стремлением перейти от качественных к количественным методам изучения (Могилевский, 1997: 4-10), следовательно, возникает необходимость в разработке и внедрении математических и графических описаний явлений (экономических, политических, социальных). Используя приведенное утверждение, рассмотрим кредит в рамках экономической системы, выделим его экономическую и правовую составляющую. Для формирования модели экономической системы, используем методы теории систем и автоматического управления.

За основу дальнейших рассуждений можно взять хорошо известное определение австрийского ученого Л. Берталанфи: «Система есть совокупность элементов, находящихся во взаимосвязи». А так же определение эко-

номической системы: «Экономическая система это совокупность национальных хозяйственных единиц (предприятий, организаций), находящихся в производственно-технологических и организационно-хозяйственных связях» (Колемаев В. А., 1999: 225).

Для углубленного анализа понятия «система» требуется более сложное описание системы как явления. Любое сложное явление может изучаться с разных сторон, представляющих в данный момент наибольшую познавательную ценность для исследователя.

Причины возникновения системы следует искать в условиях, способствующих ее созданию. Необходимость удовлетворять потребности, привела на начальном этапе в приспособлении потребностей к естественным природным ресурсам. По мере развития человеческого общества появилась ясная связь в удовлетворении потребностей с развитием производства. Для начала исследования можно выделить два звена производство и потребление. Потребление - конечное звено производственной деятельности. На этапе объединения элементов в систему (производство и потребление) важную роль играет возникновение формы связей между звеньями системы, обмен информацией между ними. Необходимо учесть, что потребление не может остановиться, значит, образовывается замкнутый цикл. Появляются предпосылки к образованию денежной системы, а затем кредитной и финансовой.

В процессе производства производственные силы совершенствуются, в результате вовлечения в него результатов науки (вторичные производственные силы). Их особенности заключаются в том, что они действуют на основе первичных производственных сил (природных ресурсов, средств производства и т.д.), что ведет к росту эффективности производства и развитию системы.

Таким образом, в среде образовался центр структуризации, который явился причиной организации и развития экономической системы (см. рис.1).

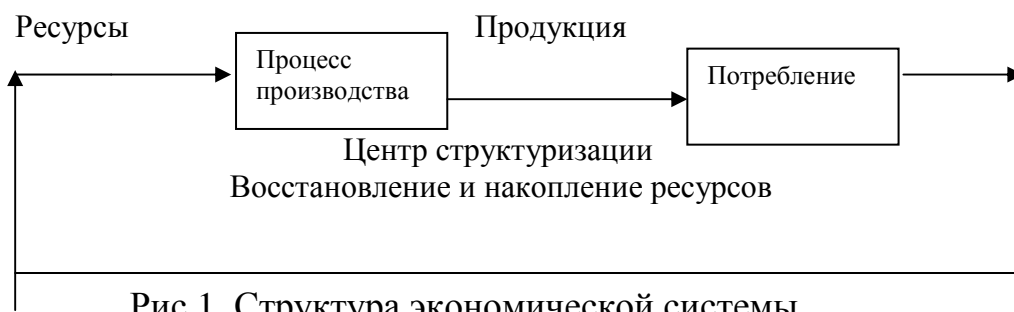

Рис.1. Структура экономической системы

На рис .1 изображена система с отрицательной обратной связью. Отрицательная обратная связь вырабатывает стабилизирующее воздействие и поддерживает целостность системы, но не обеспечивает переход в качественно новое состояние.

Из приведенных рассуждений следует: основным звеном экономической системы является производство. Без существования производства невозможно развитие и совершенствование вторичных факторов производства, и развитие в экономической системе кредитных отношений. Кредит появился в экономической системе в результате потребности производства и потребления в дополнительных средствах в форме ссуды на условиях возвратности, срочности платности. Следовательно, можно прийти к утверждениям:

- кредит в узком смысле – это кредит в денежной форме предоставленный кредитором заемщику на условиях возвратности, платности, срочности.

-кредит в широком смысле – это кредит в денежной или товарной форме предоставленный кредитором заемщику на условиях возвратности, платности, срочности.

Сформулированные автором статьи определения кредита отражают все внутренние свойства кредита и могут быть взяты за основу для определения кредита с юридических позиций. Определяя кредит с юридических позиций, необходимо в правовой форме отразить экономическое содержание возникающих при этой отношений между кредитором и заемщиком.

В науке гражданского права нет единого мнения о сущности кредита, как правовой категории. Разброс точек зрения достаточно широк, что связано с преждевременным обоснованием определения кредита с юридических позиций. Некоторые авторы «определяют кредит как действие, вторые –как движение, третьи как сделку, четвертые интерпретируют как денежные средства либо имущество, пятые- как деятельность, шестые как отношение, седьмые как доверие» (Тосунян,1999:177).

В литературе содержатся определения ученых, в которых полностью не отражена правовая природа кредита: «Кредит-заем, предоставляемый в денежной форме на условиях возвратности и, как правило, платности (в виде процентов за пользование кредитом)» (Островская,2001:142).

Интересным представляется понимание кредитных отношений рядом авторов, в которые под кредитными отношениями в узком смысле понимают правоотношения, в которых кредитные учреждения предоставляют организациям и гражданам денежные средства на условиях, возвратности, срочности и платности (Куник,1970: 19). В этом случае под кредитом в значении правовой категории понимают денежный (банковский кредит) кредит, что отражает сущность кредита в узком смысле.

Наиболее удачное определение кредита с правовой точки зрения сформулировал Г.А. Тосунян. Он пишет: «Кредит – это денежные средства или другие средства, определенные родовыми признаками, передаваемые(либо предназначенные к передаче) в процессе кредитования в собственность другой стороне в размере и на условиях, предусмотренных дого-

вором (кредитным, товарным или коммерческого кредита) , в результате чего между сторонами возникают кредитные отношения»(Тосунян,1999: 187). Подход предложенный автором позволяет определить отношения складывающийся между кредитором и заемщиком по поводу банковского кредитования и иных видов кредитования, что отражает сущность кредита в широком смысле.

По нашему мнению кредит с юридических позиций:

- в узком смысле это правовой режим денежных средств, устанавливаемых в правоотношениях из кредитного договора на условиях возвратности, платности срочности;

- в широком смысле это правовой режим денежных средств и вещей определенных родовыми признаками устанавливаемых из договора займа кредитного договора, товарного кредита и коммерческого кредита на условиях возвратности, платности срочности.

Список литературы:

Колемаев В.А.(1999) Математические методы принятия решений в экономике. М.: Финстатинформ.

Куник Я.А.(1970) Кредитные и расчетные отношения в торговле. М.

Могилевский В.Д.(1997) Основы теории систем. М: Моск. гос. ин-т радиотехники, электроники и автоматики (техн. ун-т).

Островская О.М. (2001) Банковское дело: Толковый словарь. М.: "Гелиос АРВ".

Тосунян Г.А.(1999) Банковское право Российской Федерации. Общая часть: Учебник/Г.А. Тосунян, А.Ю. Викулин, А.М. Экмалян. М.: Юристъ.

Агафонов Игорь Сергеевич – соискатель кафедры Гражданского права и процесса Московского университета МВД России.

Agafonov Igor Sergeevich – Applicant for the department of Civil Right and process of the Moscow University of Ministry of Interior of Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Жукова О.Т.* Победа на культурном фронте Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Предпосылки и следствия 4
- Жуков А.В.* Эмиграция населения из России в Польшу (1917-1927 гг.) 18
- Морошкин В.А.* Создание белоэмигрантами военно-политической оппозиции в Болгарии в 1920-1930-х гг. 25
- Борщевский Г.А.* Исторические модели реформирования государственной службы в России: проблемы выявления и периодизации 32

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Тимохин Н.В.* Классическая и современная западная философия. Сущность различия и моменты преемственности 43

ПЕДАГОГИКА

- Белогурова В.А.* Анализ и критическая оценка реформы образования в России 50

ПСИХОЛОГИЯ

- Чаров М.О.* Современные представления о предпосылках личностного роста в психологии 57

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Агафонов И.С.* Об одном из подходов к исследованию кредита с правовой точки зрения 63

Правила представления рукописей авторами и требования к оформлению представлены на официальном сайте:

http://www.mosgu.ru/nauchnaya/nauch_trudy/

На сайте также представлены содержание всех выпусков/номеров и полный список публикаций в журнале «Научные труды Московского гуманитарного университета».